

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

СМОТЯЩИЙ
ПО РОССИИ

Воровской криминальный роман

Евгений Сухов

Смотрящий по России

«ЭКСМО»

2004

Сухов Е. Е.

Смотрящий по России / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2004 — (Воровской криминальный роман)

У смотрящего по России Варяга появился враг. Впрочем, врагов у него всегда было много, но такого – никогда. Тимофей Беспалый в прошлом сотрудник СМЕРШа, затем начальник колонии на Магадане, а теперь опасный волк-одиночка. Он обладает звериной интуицией, запредельными боевыми навыками и готов перегрызть глотку любому, кто встанет на его пути. Беспалый бросил вызов Варягу, и смотрящий его принял, тем более что под угрозой не только жизнь Варяга, но и вся воровская империя. Игра началась, но пока неизвестно, по чьим правилам...

© Сухов Е. Е., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Пролог	5
Часть I	11
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	36
Глава 5	41
Глава 6	46
Глава 7	55
Глава 8	61
Глава 9	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Евгений Сухов

Смотрящий по России

Пролог

АУДИЕНЦИЯ У СТАЛИНА

Сапоги из тонкой кожи плотно облегли голени Сталина, голенища собирались в мелкую щеголеватую гармошку. Иосиф Виссарионович знал толк в обуви и умел ее носить. Старательно начищенные денщиком, сапоги выглядели вершиной сапожного мастерства и собирали на своей гладкой блестящей поверхности весь поток света, проникающего через небольшие узкие окна. Следовало бы поднять глаза и с горячей преданностью во взоре смотреть на мерно прогуливающегося вдоль стола Хозяина, но Берия не в силах был оторвать взгляда от сверкающих голенищ. Что-то сегодня было не так, как-то не увязывалось, а перемену в настроении Хозяина Лаврентий Павлович всегда чувствовал нутром.

Всегда!

О дурном расположении Сталина свидетельствовало и затянувшееся молчание, невероятно угнетающее. Пауза затягивалась и начинала давить на плечи, но Сталина совершенно не заботило состояние Лаврентия Павловича. А сапоги, негромко поскрипывавшие при каждом шаге, раздражали того невероятно, но ведь не скажешь же! Наконец остановившись, Иосиф Виссарионович вытащил изо рта прокопченную трубку, аккуратно положил ее на краешек стола и спросил по-грузински:

– Лаврентий, сколько осталось в Москве генералов-контрразведчиков старой царской школы?

Лаврентий Павлович осторожным движением совсем без надобности поправил пенсне. Вопрос был неожиданный. Подумать было над чем. Вопрос можно было воспринимать двояко – не исключено, что Хозяин сердит на него за то, что эти старые генералы до сих пор копят небо, и в этом случае ответственность падет целиком на его голову, как на бывшего народного комиссара НКВД. Но был и второй вариант, – возможно, Хозяин хотел задействовать царских генералов для каких-то своих политических комбинаций. Ведь на Западе у них остались обширные связи.

Помедлив, Берия решил отвечать так, как есть:

– Их двенадцать человек, товарищ Сталин.

Неожиданно Хозяин улыбнулся:

– Вот как... Столько же, сколько и апостолов. Где они проживают?

– Все они живут в Москве, но под другими фамилиями.

– Правильное решение. Вы за ними наблюдаете?

– Конечно, товарищ Сталин! Они держат свое слово и не вмешиваются в политику. Более того, их оперативный опыт весьма пригодился органам ОГПУ в борьбе с врагами народа и шпионами. В настоящее время они очень активно сотрудничают с нашими органами, пишут методические пособия для Главного управления контрразведки и консультируют Управление особых отделов по внешним вопросам.

Брови Сталина вскинулись:

– Вы используете их прежние связи?

– Да. На их основе мы разрабатываем свои каналы.

– Ну что ж, это очень грамотно, – согласился Иосиф Виссарионович. Он подвинул к себе пепельницу, красивую вещь из темного лазурита с тонкими пиритовыми прожилками – пода-

рок афганского шаха, и выбил из трубки пепел. – Уже произошел перелом в войне. Америка и Англия думают о завтрашнем дне, о переделе мира... Я думаю, что роль наших разведслужб будет только усиливаться... Кстати, сколько сейчас генералам лет?

Ответ на этот вопрос Берия знал. Не далее, как вчера вечером, он просматривал досье каждого генерала.

– Где-то от шестидесяти пяти до семидесяти пяти лет, товарищ Сталин, – уверенно отвечал Берия, победно блеснув пенсне.

– Вполне боевой возраст! – одобрил Иосиф Виссарионович. – И как же они относятся к Советской власти?

– По-прежнему, резко отрицательно! – четко ответил Берия. – И даже не пытаются скрывать свое мировоззрение. Например, говорят о том, что Россия пошла тупиковым путем... Но добавляют, что служат они не правительству, а своему народу и на благо России. Тем более сейчас, когда идет война.

– Хм... Достойный ответ. В духе генералов царской школы. Большого из них выжать невозможно. Впрочем, и не нужно! Я хорошо знаком с подобной породой людей. Их можно уничтожить, но невозможно переубедить. Кто из них пользуется в своей среде наибольшим авторитетом?

– Генерал-лейтенант Петр Голицын, – мгновенно отреагировал Берия, мысленно представив себе сухопарую фигуру старика. – Вне всякого сомнения!

Иосиф Виссарионович принялся набивать в трубку очередную порцию табака.

– Из князей?

– Да, из тех самых Голицыных, товарищ Сталин.

– Я хочу переговорить с ним, – очень спокойно произнес Иосиф Виссарионович.

Лаврентий Берия постарался не удивляться. Он пристально рассматривал лазуритовую пепельницу с темно-желтыми прожилками.

– Когда его привести, товарищ Сталин?

Хозяин отвечал, хитровато прищурившись:

– Все ты переиначиваешь, Лаврентий! Только не привести, а пригласить... и очень вежливо! А это совсем другое дело.

Берия выглядел слегка смущенным. Он наконец оторвал взгляд от пепельницы и теперь разглядывал неглубокие оспинки на щеках Иосифа Виссарионовича.

– Виноват, товарищ Сталин. Когда его пригласить... для беседы?

С ответом Иосиф Виссарионович не спешил. Собственно, некоторая медлительность была одной из черт Хозяина, которая гипнотическим образом действовала на его собеседников. Создавалось впечатление, что вождь тщательнейшим образом обдумывает каждое свое произнесенное слово. Вполне возможно, что так оно и было.

Чиркнув спичкой, Сталин подпалил табачок и пыхнул сладковатым дымком. Серое облачко проплыло рядом с лицом Лаврентия Павловича, но отстраниться народный комиссар не посмел.

– Скажем, завтра... Где-нибудь часов в одиннадцать вечера.

Берия понимающе кивнул. Это время у Хозяина было самое продуктивное. А следовательно, предстоящей встрече он придавал большое значение. Разговор обещал быть серьезным.

– Сделаю, товарищ Сталин.

– И еще вот что, Лаврентий... Постарайся растолковать ему поделикатнее, что от него требуется. Все эти дворяне необыкновенно чувствительны.

* * *

Спина Петра Михайловича Голицына выглядела невероятно прямой. В ней было все: упрямый и твердый характер, осанка потомственного дворянина, не привыкшего кланяться, чувство собственного достоинства. Князь мог склонить голову только перед царским стягом. А кто для него Сталин? Всего лишь недоучившийся семинарист, которого в прежние времена не пускали дальше прихожей.

На Голицыне был парадный царский китель, правда, с отпоротыми погонами, но на груди висели десятка два орденов. Как и в прежние времена... Что, по мнению генерала, должно было означать – мундиры меняются, а вот офицерская доблесть – на века!

На губах Иосифа Виссарионовича промелькнуло нечто похожее на улыбку: «Странно, что такое богатство не реквизируют при обысках чекисты».

– Вы курите? – спросил Сталин с мягким грузинским акцентом, почтительно подвигая к гостю распечатанную пачку «Казбека».

Генерал отрицательно покачал головой.

– Благодарствую. Не вижу пользы, – басовито прогудел генерал.

Сталин слегка улыбнулся. Вот оно как. Не многие из приглашенных способны были ответить отказом, да еще столь холодным тоном! Такое впечатление, что ему предлагали не первосортный табачок, а заставляли надкусить ампулу с цианистым калием.

– Петр Михайлович, вы всегда стараетесь делать то, что на пользу? – спросил Сталин.

Князь безмятежно пожал плечами:

– Просто стараюсь жить рационально. А от табака один лишь вред! – Неожиданно старик улыбнулся, показав красивые белые зубы: – Хотя, признаюсь вам, в молодости я грешил этим занятием. Весьма грешил!

– Сейчас много пишут о вреде табака, – спокойно согласился Иосиф Виссарионович. – Но в моем возрасте поздно менять привычки. – Сталин взял со стола трубку, но закуривать пока не стал. – А что это у вас за крест такой на груди? – с интересом спросил он, указав чубуком трубки на грудь князя.

Голицын, чуть приподняв голову, достойно ответил:

– Я кавалер ордена Святого равноапостольного князя Владимира. А этот крест – его знак. Носить его предписывается всегда! Извините, но ради нашей встречи я не сделал исключение.

Улыбка Иосифа Виссарионовича сделалась понимающей. Именно таким Голицын видел Сталина на многочисленных портретах и репродукциях. Слегка качнув головой, хозяин кабинета ответил:

– Разумеется. Чего же менять установленные правила. Но, насколько я понимаю, при знаке ордена Владимира второй степени на левой стороне груди носится и орденская звезда. Где же она у вас?

Старик заметно нахмурился:

– Вы правы... Звезда была. Она состоит из восьми лучей. Четыре золотые и четыре серебряные... Этот орден мне сохранить не удалось, – в голосе Голицына послышалась откровенная горечь, – его у меня в двадцать втором году отобрали чекисты.

Иосиф Виссарионович слегка развел руками:

– Мне остается только сожалеть. Петр Михайлович, а вы не могли бы вспомнить номер вашего ордена? Может быть, я чем-то смогу вам помочь? Хотя не обещаю, ведь прошло уже столько времени!

Генерал Голицын выглядел слегка смущенным:

– Стоит ли, право...

– И все-таки! – мягко настоял Сталин.

– Четыреста пятьдесят третий, – не без колебаний произнес князь Голицын. – Но хочу сделать вам комплимент, в нынешние времена редко кто разбирается в царских орденах.

Правый уголок рта Сталина смешливо дернулся. Забавный тип. Взяв со стола карандаш, он чиркнул что-то в блокноте.

– А это, насколько я понимаю, орден Святой Анны? – вновь спросил Хозяин.

– Да. Это орден Святой Анны. Девиз этого ордена звучит так: «Любящим правду, благочестие и верность». Этот орден я получил за поимку важного государственного преступника.

– Вот как, – проявил заметный интерес Иосиф Виссарионович, – и что же это за преступник?

– Это был германский шпион, – и, задержав взгляд на лице Сталина, Голицын с некоторым нажимом произнес: – Поймите меня правильно, настоящий шпион!

– Хм... – правый уголок рта пополз вверх. – Значит, и в то время существовали большие проблемы с немцами?

– Они всегда были нашими противниками. А потом, у германцев всегда была очень сильная разведка.

– Но все-таки этот шпион попался! – заметил Сталин.

Генерал-лейтенант Голицын сдержанно заметил:

– Он бы никогда не попался, если бы мы его не поймали. А потом, контрразведчик должен быть всегда подготовленнее и умнее любого разведчика. Иначе ему не достигнуть поставленной задачи. А этого шпиона мы выкрали за пределами России, в Турции, – после некоторой паузы уточнил князь Голицын. – По специальному заданию Петра Аркадьевича Столыпина.

И вновь на лице Сталина появилось нечто вроде усмешки – последние слова были произнесены князем с заметным пиететом. Этот старик, похоже, не догадывался, с кем сидит за одним столом, или, определенно, ничего не боится. И уж, конечно, он не задавался себе целью понравиться – выглядел на редкость естественно и просто.

– А этот орден, кажется, Николая Чудотворца?

Князь Голицын слегка наклонил голову.

– Совершенно верно. Более точно он называется так: орден Святителя Николая Чудотворца. Был утвержден после большевистского переворота Петром Николаевичем Врангелем тридцатого апреля 1920 года, через месяц после его избрания Главнокомандующим Русской армией. Девиз этого ордена таков: «Верой спасется Россия!»

Хмыкнув, Сталин поднялся. Голицын неловко отодвинул стул и попытался последовать его примеру.

– Сидите, – махнул рукой Иосиф Виссарионович. Царский генерал послушно опустился:

– Вы все-таки человек почтенного возраста.

– Для служения отечеству возраст значения не имеет, – заметил Голицын.

– Тоже правильно... А как все-таки сочетаются все ваши ордена?

– Орден Святителя Николая Чудотворца я получил за храбрость. Поверьте мне, в то время орденами не разбрасывались.

Иосиф Виссарионович подошел к окну, небрежно откинул белую полотняную занавеску. Некоторое время он смотрел на кремлевскую стену, казавшуюся из кабинета особенно близкой. Потом вернулся к столу, опустился в кресло мягко, совсем неслышно.

– Петр Михайлович, сколько языков вы знаете? – неожиданно спросил Сталин.

– Владею всеми европейскими. Знаю еще японский, говорю на китайском.

– Ого!

Слегка пожав плечами, генерал продолжил:

– Во времена моей молодости это было принято... В нашей семье, например, принято было разговаривать на французском, немецком, английском. Французский язык, можно сказать, для меня и вовсе родной. Во всяком случае, по-французски я научился разговаривать

раньше, чем по-русски. А немецкий и английский я выучил еще в раннем детстве. Что касается японского и китайского, то эти языки мне пришлось выучить в силу, так сказать, служебной необходимости. Мое мнение таково, что через несколько поколений восточные страны будут нашими главными врагами!

– Вот как... Интересное суждение, – отреагировал Сталин. – А каковы у них шпионы? Они лучше немецких?

Немного подумав, генерал Голицын уверенно ответил:

– Школа германских разведчиков необычайно сильна. С большими традициями! Но восточные разведчики не похожи на европейских, их учат методам, о которых мы даже не слышали.

– Например?

– Например... Пожалуйста! Они могут видеть ауру человека, по которой способны судить о его душевном состоянии. В разведке это очень важно. По ней они могут даже сказать, сколько ему осталось жить.

– Интересное предположение.

Царский генерал отрицательно покачал головой:

– Это не предположение, это факт! Аналогичные исследования я проводил и со своими разведчиками.

– Вот как! И что, вы тоже можете увидеть ауру?

– Да, – сдержанно отвечал Голицын.

– Тогда можете сказать, какого цвета моя?

– Если вам любопытно... – пожал плечами генерал. – У вас аура усталого человека, светло-желтого цвета, с красной каймой. Но ваша аура тусклая.

– И сколько мне, по-вашему, отпущено богом?

– Это очень деликатный вопрос. Все сугубо индивидуально.

– И все-таки!

Слегка помедлив, Голицын отвечал:

– Мне думается, лет десять-пятнадцать.

– Хм... Значит, проживу еще. В каком звании вы были в царской армии?

– Генерал-лейтенант, – ответил князь с достоинством.

– Вы можете ответить на один вопрос? – прищурился Сталин.

– Разумеется. Думаю, что меня привезли в Кремль именно для этого.

Иосиф Виссарионович улыбнулся:

– Почему вы не уехали за границу? Ведь, насколько мне известно, у вас была такая возможность.

– Я бывал за границей неоднократно... по роду своей деятельности. Но там для меня все чужое! А потом, я всегда хотел служить родине.

– Вы патриот.

– Я вкладываю в это слово несколько иной смысл, – растягивая слова, произнес генерал.

– А вы смелый человек, – сдержанно заметил Сталин, в упор посмотрев на Голицына. И, немного помолчав, добавил: – У вас будет возможность проявить патриотизм. Я предлагаю вам создать военную школу контрразведчиков по царскому образцу. Вы ведь работали против шпионов?

– Конечно!

– Так вот, эту школу можно будет назвать примерно так... Смерть шпионам. Или сокращенно – СМЕРШ. Так вы как, согласны с моим предложением?

– Я согласен выполнять любую работу, чтобы быть полезным родине.

– Вот и отлично! Деятельность этой школы я возьму под свой личный контроль, как председатель Государственного Комитета Обороны. А непосредственным руководителем будет

Виктор Семенович Абакумов, начальник управления особых отделов НКВД. Что вы на это скажете?

– Я встречался с ним несколько раз, – кивнул Петр Михайлович. – Весьма способный молодой человек. Энергичный, деятельный...

– Из ваших уст это весьма лестная оценка. Специалистов для СМЕРШа мы хотели бы обучать в специальных школах, используя опыт царских контрразведчиков. И руководителем одной из школ хотели бы назначить вас. Вы согласны?

– Буду рад помочь своей родине.

– Достойный ответ.

– Мне бы хотелось знать, кто будет слушателями школы СМЕРШа?

Сталин понимающе кивнул, потом поднял со стола несколько бумажек.

– Вот списки. Мы уже подготовили первую группу. Сразу хочу предупредить, народ весьма пестрый, но все они преданы делу партии... Среди них слушатели военных академий, командиры Красной армии, политруки. Все офицеры! Хм... В первом наборе имеется даже бывший вор. – Иосиф Виссарионович поднял еще один листок, внимательно вчитавшись, произнес: – Но, судя по характеристикам, что ему выдали, он тоже весьма достойный человек. И у него очень солидные рекомендации, один из рекомендателей – товарищ Веселовский, – одобрительно протянул товарищ Сталин. – Я знаю этого человека. Проверенный товарищ!

– У меня есть к вам просьба, товарищ Сталин, – произнес Голицын.

Иосиф Виссарионович улыбнулся:

– Если это в моих силах, исполню.

– Разрешите мне выбрать место для школы самому. Я знаю, о чем говорю. Здесь есть своя специфика.

– Считайте, что вы получили разрешение. – Сталин поднялся. Разговор был закончен. Провожая гостя до дверей, он проговорил, притронувшись указательным пальцем к ордену Святителя Николая Чудотворца: – Знаете, ко всем этим заслуженным наградам у вас не хватает ордена Красного Знамени. Если ваши дела пойдут успешно и вы оправдаете доверие родины, то получите от нее этот орден. – И, заметив, как изменилось лицо генерала, негромко предостерег: – Только не надо мне ничего говорить. – Мягко пожав сухую старческую руку, попрощался: – До свидания.

В этот раз грузинский акцент был замечен особенно сильно.

Часть I

НАЧАЛО ОХОТЫ

Глава 1

ПРИВЕТ ОТ БЕСПАЛОГО

Дом для Варяга Тарантул подыскал на окраине густого смешанного леса. Разумеется, не из-за каких-то там эстетических соображений, а в силу необходимости. В первую очередь он руководствовался тем, чтобы место было как можно более безлюдным. Чем меньше посторонних глаз, тем лучше! Кроме того, в недалекой чаще можно было бы незаметно скрыться в случае опасности. И в-третьих – посторонние здесь не бродят, а потому каждый прохожий виден как на ладони и должен вызывать интерес охраны.

Дом был небольшим, можно сказать, даже скромным. Выбор на него пал не случайно – ему не стоило выделяться среди прочих строений. Зато забор вокруг был сплошной, из красного кирпича и поднимался едва ли не к верхушкам деревьев.

Кроме внутренней охраны существовала еще и наружная – неприметная с виду сторожка, расположенная в метрах тридцати от дома. Отсюда хорошо просматривалась дорога в оба конца. Дорога, кстати, здесь была неровная, и явно сделано это было вполне сознательно – чтобы автомобиль мог проехать и не опрокинуться в полутораметровую яму, водителю следовало проявить большое терпение и недюжинное мастерство. Но главное заключалось в том, что шофер должен будет сбросить скорость и двигаться едва ли не ползком.

В сторожке безотлучно несли караул два человека из охраны Варяга, сменявшиеся каждые шесть часов. Связь осуществлялась по мобильному телефону, и в доме, больше напоминающем крепость, знали о каждом передвижении на улице, скрупулезно записывая наблюдения в толстый журнал.

По мнению большинства телохранителей, Тарантул был большой перестраховщик. Такие меры безопасности были к лицу скорее лидерам мировых держав, находящихся на оккупированной территории, но уж никак не законному вору, пусть даже проживающему на нелегальном положении под чужой фамилией. За последние полгода Варяг успел поменять четыре адреса и так сумел замести следы, что даже самый пытливый сыщик заплутался бы в его перемещениях. За это время Владислав успел немного пожить во Владимире, на месяц затаился в Магадане. Почувствовав подозрительную возню и интерес к своей персоне, переместился в Иркутск, и вот сейчас вернулся вновь в Москву, точнее, в Подмоскowie, в маленькую деревушку по Каширскому шоссе, которая в последние годы усиленно отстраивалась. Впрочем, именно это обстоятельство было в пользу выбора места. Коренное население деревушки как таковое повымерло или просто разъехалось, а те семьи, что еще жили здесь, совершенно не догадывались о том, какие дела творятся в соседних дворах.

Вернуться в Москву Варяга заставили обстоятельства. В последнее время как никогда остро стала проявляться межэтническая грызня, чего прежде воровской мир не ведал. Воры всегда стояли над всей этой условной надстройкой. Возникшие противоречия были не чем иным, как отрывкой большой политики, а от политики любой здравомыслящий вор шараялся, как черт от ладана. Несколько террористических взрывов, прозвучавших в центре столицы, приковали к воровским сообществам внимание властей.

Собственно, в этой ситуации страдали все. И шмон, что шел в последнее время в Москве, заставил многих законных так глубоко залечь на дно, что не видно было даже хвостов. А это, в свою очередь, очень серьезно мешало воровскому промыслу. На кичах оскудевал грив, а надеж-

ные прежде тропинки так заросли, что легче было протоптать новые. Во всем этом следовало разобраться с особой тщательностью и беспристрастно. Растолковать неправым, что своим расколом они наносят урон всему воровскому делу, а если красноречие не возымеет должной силы, тогда следует считать их ссученными и прибегнуть к хирургическому вмешательству. Таковы правила, и ничего тут не попишешь. Так поступали всегда. Возможно, именно в этом и заключалась сермяжная правда – следовало удалить гнилой сук, чтобы ядовитые бактерии не поразили все дерево.

Москва была выбрана для схрона еще и потому, что столпотворение в ней было не меньше, чем в Вавилоне. При желании в мегаполисе можно было бы рассредоточить даже целую армию. Что тогда говорить об одном законном с несколькими телохранителями!

В этот день старшим поста был Макс.

Это был настоящий профессионал охраны. Что-то у него не заладилось на прежней работе, и он уволился оттуда. Парень не пропал и уже на восьмой день вынужденного безделья был замечен и облакан милым интеллигентным человеком, которого за глаза все почему-то называли не иначе как Тарантул.

Впрочем, если внимательно всмотреться, то паука он все же напоминал – волосатыми руками, которые к тому же выглядели необычайно длинными. Но эти его анатомические особенности являлись совершенно несущественными деталями, главное, что в своем деле он был настоящим профессионалом, в чем Меркулов убедился едва ли не в первый день. А спецов следовало уважать! Чего, например, стоят видеокamеры, установленные по всему периметру территории и совершенно незаметные со стороны, причем две из них были с круговым обзором. Каждая отснятая кассета строго анализировалась, как если бы велась охрана важного стратегического объекта.

Такой деловой подход Максу нравился, он как бы вновь попал в привычную обстановку. И ему совершенно не было дела до того, кого приходилось охранять, – видного политического пахана, как когда-то по месту своей прежней службы, или какого-то мутного гражданина, как в данном случае (стиль работы всегда одинаков – знай, помалкивай и хорошо выполняй порученное дело). Важно то, что подъемные в первый месяц составили столько, что он сумел отложить неплохую сумму для предстоящего отдыха в Арабских Эмиратах. Если так дела пойдут и дальше, то со временем можно будет купить себе квартиру где-нибудь на окраине Москвы.

Преимущество в расположении поста заключалось еще и в том, что подходы к дому просматривались далеко за дорогой. Для этого не нужно было выскакивать на крыльцо и, уподобившись настороженному гусю, вытягивать шею. Достаточно было ткнуть пальцами в клавиши, чтобы на экране возникла четкая картина. Если требовалось увеличение, то объект можно было приблизить еще одним прикосновением.

Причем прохожие порой чувствовали себя настолько беспечно, совсем не подозревая о камерах слежения, что смело справляли в кустах, недалеко от дороги, большую и малую нужду. А позавчера молоденький девятнадцатилетний ухарь в зарослях крапивы совратил сорокалетнюю тетку. Макс немало повеселился, выводя во весь экран картину страстного совокупления. Причем парень действовал подчас так неумело, что возникало законное желание выскочить на улицу и помочь ему советом. Но нельзя! Вся конспирация полетит к черту! В этот раз тоже хотелось бы увидеть нечто похожее, глядишь, и не так уныло протянулось бы дежурство.

По улице, слегка пригибаясь, топал неказистый старичок. Заурядная сельская картина. Куртка на нем была старая, крепко затертая на локтях, штаны широкие, с пузырями на коленях. Старикашка, одним словом, что с него взять! Не до изысков болезному, тут бы на хлеб и молоко хватило. Никакого профессионального интереса у Макса он не вызвал. Остановившись у разрытой канавы, старик, проявляя обыкновенное любопытство, заглянул в нее и, не обнаружив ничего занимательного, побрел дальше. Вот он остановился, посмотрел на испачканные

ботинки, пробормотал что-то (видать, крепенько матюгнулся) и несколько раз несильно топнул о камень, стараясь сбить с подошв налипшую комковатую глину.

Макс озадаченно потер подбородок, что-то в облике старика ему не нравилось. Правда, он не мог понять, что именно его настораживало. Собственно, это и было интуицией. Он еще сам не отдавал себе отчета, но уже включился в работу. Всмотревшись, понял – у дедули была слишком напряженная походка и чрезмерно равнодушный взгляд. Старик как будто бы догадывался о том, что на него направлены окуляры видеокамеры. Любой другой прохожий на его месте наверняка остановился бы у высокого забора и с любопытством, высоко задрав голову, созерцал бы каменное строение, въедливо оценивая его добротность. Ведь дом был не хилый, посмотреть было на что. А он шел намеренно равнодушно, как будто проходил мимо кучи навоза.

Макс решил приблизить изображение странного старичка. Видеокамеры чутко отозвались на команду и вывели на экран его изображение: в профиль и анфас. А теперь, пожалуйста, во весь экран. И Макс дважды нажал на клавишу. Вот так! Его встретили настороженные холодные глаза. Взгляд хищника, для которого не существовало выбора. Он обязан был уничтожить, чтобы выжить самому.

– Миша, – позвал Макс, – подойди сюда!

– Что там у тебя? – спросил молодой парень, приподнимаясь с места.

В охрану Варяга Миша пришел значительно раньше Макса и в какой-то степени считался ветераном. По всем правилам его обязаны были назначить старшим поста, но вместо этого, исходя из каких-то своих внутренних ощущений, Тарантул решил утвердить Макса. Поначалу подобное назначение Миша воспринял как недоверие и, только присмотревшись к новичку, к его методам работы, осознал, что Тарантул откопал настоящего профессионала, который к тому же оказался невероятно въедлив, как земляной червь. С приходом Макса охрана Варяга значительно усилилась. И если тот на что-то обращал внимание, следовательно, это было в высшей степени серьезно.

– Посмотри, тебе этот человек случайно не знаком? – указал Макс на экран.

Дедушка между тем повел себя очень странно. Проследовав вдоль забора, он остановился и коротко обернулся, как если бы опасался сидящего на хвосте филера, после чего уверенно направился к опушке леса и углубился в чащу.

– Мне кажется, что этот старик уже здесь появлялся, лицо как будто бы знакомо, – задумчиво протянул Миша. – Давай посмотрим предыдущие записи. – Он присел рядом на вращающийся стул и уверенно защелкал «мышкой». – Это неделю назад... Так... Хм... Вот какой-то старик.

– Фигурой похож, – тут же заметил Макс.

– У этого борода и усы, – несмело возразил Миша, всматриваясь в экран.

– А ты попробуй убери их! – посоветовал Макс.

Изображение на экране застыло, еще более усилив неприятные ощущения. После чего Миша быстро удалил усы и бороду.

– Бог ты мой! – невольно воскликнул он. – Да ведь это тот же самый старик.

– Вот надо и спросить его, что это за маскарад он тут устроил с переодеванием?

В столе у Миши лежало несколько фотографий. По словам Тарантула, их следовало помнить крепче, чем лицо матери. На одной из фотографий был запечатлен человек, который очень напоминал старика на экране. Конечно же, он должен был узнать его сразу! И даже более того, показать эти фотографии Макс, что он позабыл сделать, а следовательно, нарушил строжайшее предписание. Внутри у Миши неприятно заныло – подобных вещей Тарантул не прощал. Нужно будет как-то ненавязчиво предупредить Макса, чтобы тот случайно не проговорился Тарантулу об его оплошности.

Миша поднялся, подошел к столу. Выдвинул верхний ящик и, порывшись, вытащил фотографию.

– Похож? – положил он ее перед Максом.

Макс удивленно поднял голову:

– Он самый. Откуда она у тебя? Что это за человек?

– Тимофей Беспалый... Тарантул сказал – задержать этого человека, если он объявится около дома. Я и тебе об этом должен был сказать, да как-то замотался. Ты вот что, Степан, не говори об этом Тарантулу, если он спросит... Договорились?

– Лады, – улыбнулся Макс. – Ну, так что, пойдем его задержим?

– Пошли! – направился к выходу Миша.

Старика догнали уже в лесу. Он уверенно шел по заросшей тропке.

– Эй, мужчина, – крикнул Макс. – Вы что здесь делаете?

Старик остановился и удивленно посмотрел на приближающихся мужчин.

– А вы, собственно, кто такие?

– Мы из охраны. Вы пересекли частные владения.

– Частное владение за забором, а я нахожусь на дороге, – резонно заметил старик.

– А куда вы направляетесь?

– Что за вопрос? Куда хочу, туда и иду. И никто мне не запретит, – едко отреагировал старик.

Миша обернулся, дорога была пустынной.

– А может, ты за грибочками пошел, Тимофей Егорович? Так сейчас вроде не сезон.

Старик колючим взглядом смерил говорившего.

– Какой еще Тимофей Егорович? – грубо спросил он. – А может, тебе еще и документы показать?

Рука старика потянулась к правому карману куртки.

Макс почувствовал неладное.

– Руки за голову! – приказал он, выдернув из-за пояса «вальтер».

– Ну, вы даете, ребята! Вы меня принимаете за кого-то другого, – обиделся старик, неохотно поднимая руки вверх.

Подняв руки, он неожиданно повернулся боком, и тотчас прозвучал выстрел. Макс, резко запрокинув голову назад, рухнул на спину, отбросив «вальтер» далеко в сторону. Второй выстрел прозвучал почти без паузы, и Миша, схватившись за грудь, тяжело осел на землю.

– Сосунки, – недовольно буркнул Беспалый, – все настроение испохабили!

Спрятав крохотный пистолет, Тимофей Егорович растворился в чаще.

Глава 2

УБИЙСТВО СТОРОЖА

Варяг был не один, на тахте, с книгой в руках, сидела миловидная девушка – Елена Мельникова. Последнее приобретение законного. Но едва Тарантул перешагнул порог комнаты, как она тотчас упорхнула. Умная девочка, ничего не скажешь.

Кашлянув, Тарантул справился с сухотой в горле и принялся докладывать ровным размеренным тоном:

– Обоих нашли в лесу. Метрах в двухстах от дома. Макс ранен, но не очень тяжело, сознание, правда, потерял. Миша застрелен в грудь. Гильз не было. Он их подобрал или, скорее всего, стрелял из «нагана», – предположил начальник охраны.

Варяг поднял голову:

– Почему из «нагана»?

– Тимофей Беспалый служил в СМЕРШе, а эти ребята всегда отдавали предпочтение именно револьверам. По сравнению с другими системами пистолетов они для более точного боя.

Вопреки ожиданию, Варяг выслушал доклад спокойно, на его лице не дрогнул ни единый мускул. Хотя по горящим глазам было заметно, что внутри себя он сдерживает не один десяток торнадо. Тарантул ожидал, что вор вспылит или как-то выразит неудовольствие, но вместо этого смотрящий неожиданно вытащил из кармана коробок спичек, установил его на край стола и щелчком большого пальца принялся его подбрасывать. Наверняка к нехитрой этой забаве Владислав приобщился на зоне и, судя по его мастерству, времени было потрачено им немало.

Тарантул околдованно наблюдал за тем, как вдохновенно играл Варяг, – коробок то вставал на бок, а то и на попа. Полное впечатление, что трагедия, произошедшая с его охраной, никак не тревожила смотрящего. Но нужно было совсем не знать Варяга, чтобы поверить в его кажущуюся безмятежность. В этот момент вор переродился и представлял собой плотный сгусток энергии. Дотронешься до такого, и шибанет не хуже шаровой молнии! Так было всегда: чем сложнее создавалась ситуация, тем деятельнее становился законник. А подбрасывание коробка со спичками – это всего лишь один из способов сосредоточиться. Некая психотерапия.

Наконец Владислав накрыл ладонью коробок и спросил:

– А ты уверен, что это был именно Тимофей Беспалый? Мало ли?

– Уверен. Ты же знаешь, он тебя отслеживает, – спокойно сообщил Тарантул. – А потом, так безукоризненно мог сработать только человек его калибра. А СМЕРШ – это серьезная школа...

– Как же Макс его просмотрел? Он же опытный человек вроде?!

– Если судить по тому, как лежал Макс, по оружию, что было рядом с ним, он догадался, что старик опасен и держал его на прицеле.

– Тогда почему же он не выстрелил?

Тарантул пожал плечами:

– Мне это тоже кажется удивительным. Значит, каким-то образом Беспалый сумел усыпить его бдительность или как-то перехитрил. Когда мы пришли на первый контрольный пункт, то на столе лежала фотография Тимофея Беспалого. Кроме того, они просматривали дискеты с его изображением. Из них видно, что тот появлялся здесь как минимум трижды. Конечно, мне сложно представить, каким образом Беспалый хотел попасть в дом, но видно, у него существовал какой-то серьезный план.

Варяг отшвырнул коробок, который, скользя по зеркальной поверхности стола, уперся в переплет толстой книги. Вот и плеснуло раздражение. Пока только сверкнула молния, но может прогреметь и гром.

– Какой еще план?! Я практически не выхожу из дома!

Стул внезапно сделался жестковатым, и Константин слегка подвинулся, пытаясь отыскать нужное положение. Неожиданно в кармане начальника службы безопасности заверещал задорной музыкой мобильный телефон. Тарантул ждал этого звонка и вопросительно посмотрел на Варяга. Законный коротко кивнул, разрешая прервать беседу.

– Прошу прощения... Слушаю... Так... Ты все проверил? Это точно? – нахмурился Тарантул. – Ладно, хорошо, возвращайся.

Отключив телефон, он небрежно сунул его в карман пиджака и произнес:

– Тимофей Беспалый оставил следы.

– Что за следы?

– Метрах в восьмистах отсюда растет несколько вековых лип. Очень высокие деревья! На одном из них была оборудована площадка для снайпера. С нее хорошо просматриваются окна твоего кабинета. – Варяг нахмурился. – Извини меня, Владислав Геннадьевич, но я не однажды говорил о том, что следует занавешивать окна, а еще лучше, установить затемненное бронестекло! – в сердцах заключил Тарантул.

– Значит, плохо настаивал... Ты ведь начальник охраны! Должен был как-то убедить, найти какие-то весомые аргументы. – Тарантул хотел что-то произнести, но Варяг продолжал: – Ошибки быть не может? Может, это местечко оборудовал какой-нибудь оригинал? Сейчас каких только чудиков не встретишь! Бомж, например!

Константин отрицательно покачал головой:

– В стволе огромное дупло. Так вот, в дупле была найдена немецкая винтовка. Очень хороший образец. Беспалый направлялся именно туда. И если бы охрана не обратила на него внимание... Извини меня, Владислав, но сейчас мы с тобой не разговаривали бы.

– Спасибо за откровенность... Но как он нашел нас? О том, что я нахожусь здесь, практически никто не знал. Для всех я нахожусь в Варшаве.

– Для меня это тоже остается загадкой, – признался Тарантул. – Может быть, чутье?... После окончания школы СМЕРШа Тимофей Беспалый некоторое время занимался оперативной работой, и, по моим данным, он был весьма неплохим оперативником.

– Нужно установить, где прячется Беспалый, проследить за ним, возможно, и мочкануть. Мне и без него хватает головной боли!

Тарантул понимающе кивнул.

– Сейчас мы как раз этим и занимаемся. Установили наблюдения за его сослуживцами, с которыми он был дружен. С теми людьми, с которыми он когда-то прятался. Где-то он должен выплыть!

– Много набирается таких?

– Восемь человек, – уверенно доложил Тарантул. – Четверо из них были ему особенно близки. – Это трое его бывших сослуживцев. С четвертым он знаком со школы СМЕРШа, где проходил подготовку. Нам известно, что до недавнего времени Беспалый поддерживал с ним самые тесные отношения.

– Один он не сумел бы провести эту акцию, слишком большой объем работы, – произнес Варяг. – Ведь кто-то наблюдал за домом, кто-то принес винтовку, кто-то подбирал место.

– Может быть, пиковые? – предположил Тарантул.

– Вполне возможно, – сдержанно согласился вор. – В последнее время у меня с ними возникли серьезные напряжения. Ты проверь!

Друзиц охотно кивнул:

– Сделаю!

– Беспалого нужно достать еще по одной причине! – жестко сказал Варяг. – За то время, пока он был барином зоны, успел изрядно набить мошну. Мулла мне рассказывал, что через него проходил грев, большая часть которого оседала в его карманах. Все эти деньги нужно вернуть в общак. Проверь, может, у него появилась женщина? С возрастом все мужики становятся немного сентиментальны.

Константин Друщиц понимающе закивал:

– В пансионате, в комнате Беспалого, мы нашли десятка два открыток от одной женщины...

– Что за открытки? – живо поинтересовался Варяг.

Тарантул пожал плечом:

– Самые обыкновенные... Женщина поздравляла его с праздниками, с Новым годом. Все послания очень старые. Им по двадцать-тридцать лет. Беспалый очень бережно их хранил, все открытки аккуратно запакованы и очень хорошо сохранились. Спрятаны они были весьма толково, в небольшом тайничке под подоконником.

– Очевидно, эти открытки ему очень дороги. Поставь к пансионату людей, он обязательно вернется за ними!

– Уже... Я поставил человека, и Беспалый объявился сразу же, как только мы ушли. Пока наш человек пытался с нами связаться, Беспалый ускользнул, – виновато произнес начальник службы безопасности. – Мы разминулись с ним всего лишь на несколько минут, – последняя фраза прозвучала, как оправдание.

– Все не слава богу!.. Где проживает эта женщина?

– Лет двадцать назад проживала в Звенигороде, – вздохнул Тарантул. – Если она жива, то вряд ли переехала. В этом возрасте очень сложно менять жизнь.

– Сделаем вот что. – Варяг ненадолго задумался: – Завтра мне нужно будет разрулить ситуацию вокруг челябинского смотрящего. Мне тут ходоки принесли ксиву, что бродяга рогами шевелит. А это не дело! Вот послезавтра давай поедem в Звенигород. Мне очень хочется взглянуть на этот божий одуванчик. Как ее зовут?

– Нина Петровна Голицына. Что будем делать с домом?

– Снимаю охрану. Сюда я больше не вернусь.

* * *

Старушка действительно проживала по адресу, указанному на открытках двадцатилетней давности. И, как позже выяснилось, была некоторой достопримечательностью провинциального городка. Во всяком случае, ее знали все. Едва Тарантул назвал ее имя, как первый же прохожий, понимающе кивнув, охотно отозвался:

– Это княгиня, что ли?

– Да вроде того.

– Во флигельке она при церкви, – показал он. – Только вы бы поторопились, как начнет молиться, ее не дозовешься.

Едва они вошли во двор, как на крыльцо флигелька вышла пожилая женщина с правильными чертами лица. Старуха выглядела неулыбчивой, с угрюмым взглядом. Высокая, худая, в длинном черном платье, она как будто бы носила вековой траур. Голову повязывала темным платком, тщательно пряча под плотную ткань волосы. Но даже ее надменная суровость не могла стереть следы былой красоты. А лет шестьдесят тому назад такая женщина заставляла учащенно биться даже самые аскетические сердца.

– Вам кого? – хмуро поинтересовалась женщина, когда они подошли к крыльцу.

Было заметно, что здесь она своя. Такие старухи есть при каждом храме, именно их стараниями блещет чистотой церковь: и паперть от сора приберут, и иконки протрут мягкой вето-

шью. А если потребуется, так и богохульника из храма вытолкают взащей, даже батюшкиного слова дожидаться не станут.

Машины Варяг предусмотрительно оставил за оградой и в сопровождении Тарантула вошел во двор. Еще два человека – Петр и Сергей – оставались у ворот, цепкими взглядами прошупывая каждого входящего.

– Нам нужна Нина Петровна Голицына, – сказал Варяг, спокойно разглядывая старуху.

Через ее плечо было перекинута длинное полотенце с грязными концами. Стянув его с плеча, она аккуратно вытерла влажные руки и достойно ответила:

– Я – Голицына. А в чем, собственно, дело?

С первого взгляда было понятно, что такую женщину с наскока не взять, к ней требовался деликатный подход. Улыбнувшись, Варяг ответил:

– Дело в том, что мы разыскиваем вашего знакомого Тимофея Егоровича Беспалого.

По лицу старухи пробежала смутная тень.

– Как вы меня нашли? – Ее подбородок слегка приподнялся. Княжеская порода чувствовалась даже в повороте головы.

– К нам попали поздравительные открытки, которые вы посылали Тимофею Егоровичу Беспалому. Он их хранил.

– Ах, вот как, не ожидала, – ее голос неожиданно потеплел. – А вы, собственно, кто будете?

Тарантул шагнул вперед:

– Мы из милиции, – он уверенно извлек из кармана удостоверение.

Варяг не удивился. Начальник его охраны был парень с фантазией и наверняка где-нибудь в кармане пиджака прятал еще и удостоверение сотрудника ФСБ.

– Нам бы хотелось поговорить с вами пообстоятельнее... Все-таки Тимофеем Егорович человек известный, полковник милиции. От сослуживцев поступило заявление о его исчезновении, вот мы и решили выяснить.

Женщина даже не взглянула на протянутое удостоверение, а Тарантул и не настаивал. Сунув «корочки» обратно в карман, он с ожиданием посмотрел на Голицыну.

– Пройдемте ко мне в дом, там и поговорим, – пригласила женщина, показав на крошечный домик в глубине двора. – Только, знаете, я не была готова к вашему визиту, в комнате у меня не прибрано.

В голосе княгини, впрочем, не было ни малейшего раскаявания. Всего лишь констатация факта.

Дом, в котором проживала княгиня, был далеко не княжескими палатами.

Варяг, конечно, ожидал увидеть в «покоях» Голицыной некоторый беспорядок – потомственная интеллигенция склонна к некоторому саморазрушению. Но то, что он увидел, едва перешагнув порог, заставило его изрядно удивиться. Огромный старинный шкаф лежал на боку, загораживая проход, из него неряшливо торчало цветастое белье; круглый стол был опрокинут, и его массивные резные ножки упирались в стену, матрас с кровати был сброшен на пол, и затоптанные простыни валялись в углу.

– Господи! – всплеснула руками женщина. – Что же здесь такое происходит?! Конечно, у меня бывает беспорядок, но не до такой же степени! Марфа! – неожиданно строго прокричала Голицына. И, когда на ее окрик подскочила крупная полная женщина лет шестидесяти, она строго выговорила ей: – Что здесь происходит?

– Не знаю, матушка, – отвечала женщина, растерянно оглядывая невообразимый беспорядок. – Еще утром здесь все было прибрано. Сама смотрела, и салфетки рядком висели, и иконки были протерты, и...

– Кто здесь был? – строго спросила ее старуха.

Варяг невольно улыбнулся. Настоящую породу невозможно спрятать даже под черным платьем.

– Вы тогда, матушка, в церкви были, – заговорила взволнованно женщина, – а в это время к вам старичок какой-то пришел. Говорит, очень нужно было свидеться с вами. Ну, он подождал немножко, а потом пошел себе с миром. Сказывал, что в соборе вас, матушка, отыщет.

Тарантул вытащил фотографию и показал ее Марфе:

– Уж не этот ли мужчина?

Женщина осторожно вытянула из рук Друщица снимок и, подняв на него удивленные глаза, произнесла:

– Батюшки, он самый! А вам-то откуда про него известно? – даже страх перед грозной Голицыной не сумел перебороть в ней женского любопытства.

– Марфа, иди к себе! – властно прикрикнула Голицына.

– Ухожу, матушка, ухожу, – засуетилась женщина и, укрыв широким рукавом лицо, расторопно юркнула в раскрытую дверь.

– Это Тимофей? – спросила Голицына с некоторым волнением.

– Да. Тимофей Егорович Беспалый.

Протянув руку, она попросила:

– Разрешите, я взгляну.

– Возьмите, – охотно подал фотографию Тарантул.

Варяг внимательно всматривался в лицо старухи. Морщины у нее были глубокими и темными, а кожа сухая и обветренная, что очень напоминало кору дерева. В этот момент она выглядела очень старой, и вряд ли существовала на белом свете вещь, которая сумела бы удивить ее.

Старуха поднесла снимок поближе к глазам и проговорила с заметным злорадством:

– А Тимоша постарел! Возьмите, – вернула Голицына фотографию.

– Вы можете сказать, что именно он мог искать у вас? – спросил Варяг.

Голицына пожала плечами:

– Теряюсь в догадках. У меня ничего нет, – и, безнадежно махнув рукой, глухо добавила:

– Да мне ничего и не надо. Для меня и так каждый прожитый день большой подарок.

– И все-таки посмотрите! – ненавязчиво настаивал Варяг. – Может, все-таки что-то пропало?

Комната Голицыной больше напоминала монашескую келью, чем жилище обычного человека: ничего лишнего! Все для молитвы: иконка в углу, под ней лампада. Согнувшись, она открыла ящик и вытащила небольшой альбом.

– Было бы жаль, если бы пропал альбом. В нем фотографии моего отца, – раскрыла она альбом с заметным почтением. – А вот и сам Тимофей Беспалый. Правда, здесь он значительно моложе. Для меня всегда оставалось загадкой, почему это вдруг они подружились. Мой отец до мозга костей был аристократом, а Тимофей Беспалый – вор! И вот на тебе, сошлись! – Неожиданно ее лицо отмякло, враз помолодело, как будто бы она откусила молодящего яблока. – Хотя в нем было что-то особенное... Не знаю, как это объяснить... Но женщинам такие мужчины нравятся. Хотите взглянуть? – протянула она фотографию.

– С интересом.

Варяг взял пожелтевший по углам снимок. Любительская фотография, снятая обыкновенной репортерской «лейкой». Тимофея Беспалого Владислав узнал без труда. Бывший вор был в гимнастерке, высокий, сухопарый; пилотка надвинута на лоб. В таком прикиде он выглядел едва ли не богом войны или, во всяком случае, одним из его ближайших ангелов. Не тем, что забирает души убиенных на небеса, а другим, тем, что закрывает воинов от пуль своими нетленными крылами. Удивляться, собственно, нечему, бабам всегда нравятся этакие нахальные экземпляры. Для него, надо думать, не составляло большого труда охмурить молоденькую

Ниночку Голицыну, милую скромную барышню, какой она была в предвоенное время. И если судить по ее неожиданно повлажневшим глазам, то можно смело предположить, что окаянный любовный след не сумел зарубцеваться даже по прошествии шести десятков годков.

Но Варяга заинтересовал человек, стоящий рядом с Беспалым. В форме царского генерала, с дореволюционными наградами, он не выглядел нелепо, больше того, они лишь подчеркивали его абсолютное благородство. Определенно, что это был человеческий экземпляр самой высокой пробы.

– И чем же занимался ваш отец? – спросил Варяг, продолжая изучать фотографию.

– Сейчас об этом уже можно говорить... Он был генералом контрразведки, – ответила Голицына с внутренним достоинством. – Сталин поручил ему заняться боевой и психологической подготовкой офицеров для отрядов СМЕРШ. Все его работы были засекречены.

– Вы были близки с отцом?

– Он баловал меня, – в голосе пожилой женщины послышались нотки нежности. – Я была поздним ребенком. Можете сами представить, что такое для стареющего мужчины маленький ребенок и к тому же еще девочка. Ведь ей можно отдать всю нерастрченную нежность.

– Почему на этой фотографии ваш отец запечатлен вместе с Тимофеем Беспалым?

Губы женщины неприятно сжались, морщины в уголках рта сделались очень глубокими. Теперь Голицына напоминала персонаж из русской сказки, Бабу-ягу. Вот сейчас поднимет крючковатый нос к небу, вздохнет с шумом и вымолвит, прищурив глаза: «Ох, давно я добрыми молодцами не закусывала!» Но вместо этих ожидаемых слов она произнесла ровным, почти доброжелательным голосом:

– Мой отец почему-то не любил фотографироваться. Не знаю почему. Возможно, считал это плохой приметой... Эта одна из немногих его фотографий. Почему-то он считал Тимофея очень перспективным молодым человеком и даже приблизил его к себе. Хотя он всегда держал людей на расстоянии.

Выдвинув еще один ящик, она растерянно посмотрела на Тарантула, перевела взгляд на Варяга. Она будто бы досадовала на себя – добрый молодец оказался ей не по зубам.

– Что-нибудь не так? – осторожно поинтересовался Варяг.

– Понимаете... Здесь лежали журналы.

– Что за журналы? – насторожился Тарантул.

Женщина пожала плечами и отвечала:

– Обычные инвентарные журналы... Я в нашем приходе вроде старосты. В них я записывала все церковное имущество, что поступает в собор, или то, что успело уже прийти в негодность. Бывает так, что кое-какое добро мы передаем в другие церкви... Вот не так давно отдали две иконы в один монастырь, который сейчас восстанавливают. Одна икона Казанской Божьей Матери, а другая Спас Нерукотворный. – Всплеснув руками, она удивленно воскликнула: – Господи, неужели Тимофею понадобились эти журналы? Но зачем?!

– Может, у вас еще что-нибудь пропало? – спросил Варяг.

– Ума не приложу, что могло еще пропасть, – в сердцах воскликнула старушка, всплеснув руками. От ее прежнего сердитого выражения не осталось и следа. Трапеза из «добрého молодца» откладывалась – худюш уж больно, да и навару никакого. Только посуду понапрасну испачкаешь! А потом и по сердцу уж больно пришелся. – Знаете, он мне совсем недавно письмецо короткое написал. Прощения просил...

– На конверте был обратный адрес? – быстро спросил Тарантул.

– Был, – удивленно кивнула княгиня. – Я ему еще ответить хотела... Да вот не успела.

Тарантул понимающе протянул:

– Понятно... Еще что-нибудь пропало?

– Здесь лежала шкатулка, – показала она на тумбочку. – Куда же она подевалась?

– Уж не эта ли? – поднял Тарантул с пола небольшой каповый ларчик ручной работы.

Ларчик был поломан, тяжелая крышка едва держалась на металлической петельке. Старуха бережно взяла вещь и, поставив ее на прежнее место, изрекла:

– В ней я держала крестики для крещения и ключи от подвала. В подвале у нас рухлядь всякая хранится.

– А это что? – показал Варяг на несколько серебряных крестиков, валявшихся в углу комнаты.

– Они самые, а вот ключей не видать!

– А в подвале ничего не пропало?

– Нужно посмотреть, – забеспокоилась старуха. – Ой, господи, господи. Этот храм ведь мой дед построил. Еще до революции. В японскую уцелел, вот поэтому во спасение и отстроил. Вот я при нем и осталась... Если бы не церковь, так не знаю, куда бы и подалась.

Подвал оказался глубоким. В нос шибануло застоявшейся плесенью. С первого взгляда было заметно, что сюда уже давно никто не заходит. Штукатурка во многих местах вздулась и осыпалась, желтоватые обломки валялись на каменном полу.

– Дальше будет совсем темно, – предупредила старуха. – Сюда мы спускаемся крайне редко. Как-то нет особой надобности. А если приходится, так берем с собой свечу или фонарь. Проводить электричество – средств нет, церковь у нас небогатая.

Следом за Тарантулом и Варягом, осторожно перешагивая битый кирпич, двигался Сергей. В руке он предусмотрительно сжимал небольшой, но мощный фонарь. Несмотря на свои габариты, парень был совершенно незаметен, за ним водилось еще одно важное качество – он всегда появлялся в том месте, где был необходим.

Второй телохранитель оставался наверху, расположившись на лавочке у входа. На его коленях лежал небольшой кейс, превращавшийся в короткоствольный автомат, стоило только нажать кнопку на ручке. Достаточно надавить на гашетку, чтобы подавить любое возмущение.

Проход был извилист и выглядел необычайно длинным. Может, оттого, что был совершенно темным. Некая прихожая в преисподнюю. Наверняка в этой прохладе лукавые отдыхают после жаркого трудового дня.

– Посвети! – распорядился Тарантул, повернувшись к охраннику. – В самые углы давай... Что-то все это мне не нравится.

Луч фонаря резанул тьму, осветив раскрошившуюся штукатурку. Тонко пискнув, мелькнула крыса, показав свою сгорбленную спину. Световое пятно, расплываясь и меняя форму, поплыло вдоль стены в дальний угол.

– Где тут дверь? – спросил Сергей, шагнув вперед.

За спиной, шурша штукатуркой, последовали остальные.

– Дверь чуть дальше впереди, – подсказала Голицына.

Ее голос, еще полчаса назад по-девичьи задиристый, вдруг предательски подсел. Фонарь в руке Сергея слегка дрогнул – волнение передалось и ему.

– Ага, вижу!

Действительно, впереди была дверь, сколоченная из обыкновенных, плохо строганных досок. Узкая и невысокая.

– Дверь открыта, – проговорила старуха все тем же вибрирующим фальцетом. – Господи, у нас ведь там совершенно ничего нет! Просто всякая мелочь, рухлядь... Мы туда сбрасываем все, что не нужно, но что может пригодиться. Рамы от икон, поломанные подсвечники, разные тряпки. Хозяйство большое, все может пригодиться...

Взявшись за ручку, Сергей несильно потянул дверь на себя и лучом фонаря прощупал близлежащее пространство.

Кладовка и впрямь была завалена чуть не доверху. Деревянный забор и металлические ограды занимали половину помещения. У стены в огромную кучу были свалены ватники, на

полу лежало несколько темных досок, и, только присмотревшись, в них можно было признать иконы. Безымянный иконописец не сумел дотянуть до канона, и оттого их участь – забвение.

Лучом фонаря Сергей обшарил пустое пространство перед собой. На несколько секунд световое пятно, расплывшееся по краям, остановилось на асимметричном лице святого, а потом резко метнулось в противоположный угол.

– А это что такое?

– Бог ты мой! – негромко, но уж как-то очень сочно изумился Тарантул.

Свет вырвал торчащие из-под металлических прутьев кирзовые стоптанные сапоги.

– Да это же наш сторож! – испуганно произнесла Нина Петровна.

– Дай сюда фонарь, – сказал Варяг, протянув руку. Сергей послушно исполнил приказ. Присев на корточки, Варяг посветил фонарем. – Отодвинь прутья, мешают!

Тарантул потянул на себя ограду. Металл недовольно заскрежетал. Показалось застывшее лицо. Неподвижные глаза смотрели в никуда. Рот слегка приоткрыт, как будто бы убитый хотел изрыгнуть подкативший страх, да вот силенок для крика не сыскалось. А может, сторож хотел что-то поведать перед смертью, да не успел, и слова застряли у него в горле непроглатываемым комом. Теперь уже не дознаешься. На виске была видна темная корочка – запекшаяся кровь.

Варяг выпрямился, посмотрел на Тарантула и сказал:

– Оказывается, не только у нас неприятности. Что ты на это скажешь?

– Заманил его в подвал и убил. А чтобы не сразу нашли, завалил этим хламом.

– Вот только бы знать зачем? Ладно, выходим отсюда.

Обратная дорога короче. Оно и понятно – впереди свет.

Старуха выглядела на удивление спокойно, даже бодро. Может, возрастное. За свою долгую жизнь она повидала немало жмуриков... Она лишь с тоской произнесла:

– Страх-то какой! Это наш сторож... Юрий Германович Велесов. Господи, помилуй!

Сказано это было неубедительно. В словах старухи чего-то не хватало. Может, души, а возможно, еще чего-нибудь? Сразу не разберешь. Получилось как-то по-казенному. Умер себе старик, и ладно, пожил свое! Хотя чего, собственно, констатировать? Имеется темный подвал, а в нем жмурик с простреленной головой.

– Сколько времени он у вас проработал? – по-деловому поинтересовался Варяг, посмотрев на старуху.

Тарантул не сумел сдержать лукавой улыбки, как ни старался. Вопрос Варяга прозвучал очень естественно. В этот момент Владислав не играл в следака, он являлся таковым. И попробуй не ответить на поставленный вопрос. Чревато! Затолкают в машину и увезут, куда им заблагорассудится.

– Пятый год пошел, – растерянно сказала женщина. – Упрекнуть его ни в чем не могу...

– А до этого где он работал? – перебил ее Варяг.

Тарантул занервничал. К ним уже начинали проявлять интерес – трое прихожан, застыв недалеко, откровенно пялились на Варяга. А молоденький священник, со светлым пушком на пухлых красных щеках, бросал в их сторону подозрительные взгляды, не решаясь переступить порог собора.

– У одного известного ювелира в Москве. Как же его фамилия-то, бог ты мой... А, вспомнила – Зальц!

– Где находится его магазин?

Женщина с интересом посмотрела на Варяга, после чего удивленно спросила:

– Но какое отношение это может иметь к Тимофею Беспалому?

Варяг оставался серьезен:

– В нашей работе может пригодиться любая мелочь.

Старуха недоуменно передернула худыми плечиками:

– Его лавка находится около Каланчевки.

Слово «лавка» невольно резануло слух, так изъяснялись в прежние времена.

Подошли еще четверо прихожан. Они о чем-то негромко, но возбужденно переговаривались. По коротко брошенным взглядам было заметно, что им не очень-то нравится суeta вокруг церковного старосты. Кроме священника на паперти виднелся теперь и дьякон, вертлявый, как волчок, и неприятный, как упырь.

Лицо Тарантула выглядело необыкновенно сосредоточенным. Сделав два неторопливых валяжных шага, он очень серьезно произнес:

– Спасибо. Вы очень помогли следствию.

Варяг удивленно посмотрел на Константина, но промолчал. Следовало довериться интуиции начальника охраны. Наверняка он знает, как следует поступать в подобных обстоятельствах.

Глава 3

В ШКОЛЕ СМЕРША

Тимофей Беспалый стоял во второй шеренге и поверх сомкнутых плеч слушателей с интересом, так же как и все остальные, разглядывал высокого старика в царском мундире и при орденах, степенно вышагивающего вдоль строя. Своим поведением тот напоминал цаплю, высматривающую на илистом вязком дне аппетитную жабу. Даже голову он наклонял как-то уж очень характерно, будто бы примеривался для удара.

Самое удивительное было в том, что вместе с царскими орденами на груди старика виднелось несколько наград Белой армии, и он безо всякого смущения стойко выдерживал пристальные комиссарские взгляды. Генерал бравировал своими знаками отличия, что только добавляло интереса к его персоне. Сразу было заметно, что ему льстят откровенно заинтересованные взгляды. Его острый подбородок, возможно помимо воли, горделиво задирался вверх. Что невероятно шло к его облику.

Весьма странно, что его не расстреляли большевики, такие колоритные экземпляры в топке Гражданской войны сгорали в первую очередь. Видно, его ценят и даже, возможно, считают незаменимым, если привлекли обучать курсантов царским методам контрразведки.

Остановившись, генерал резко развернулся, несмотря на годы, в нем чувствовался кадровый строевой офицер. Даже спину он держал необыкновенно прямо – весьма большая редкость в преклонном возрасте.

– Вот что я вам скажу, бойцы, на эти полгода я для вас царь и бог! – веско объявил генерал, победно посмотрев на застывшие шеренги. – Прошу зарубить эту истину у себя на носу! Как меня называть... – Старик выдержал значительную паузу. – Я привык к обращению ваше высокоблагородие и господин генерал-лейтенант. Но с поправкой на большевистский режим не буду обижаться, если вы станете называть меня... товарищ генерал-лейтенант! Мне известно, что все вы офицеры Красной армии. Так вот, хочу вас сразу предупредить, – заложив руки за спину, он продолжал, четко выговаривая каждое слово: – Меня на этот период ваши звания совсем не интересуют. Обращаться я к вам буду, как к бойцам. Возражения есть? – Голицын смерил суровым взглядом притихший строй. – Я так и думал... У нашей с вами родины много врагов, такое время... И это не только германский фашист! А потому я научу вас распознавать противника и уничтожать его. Я буду вас учить по методикам царских школ. Большевиками все это было уничтожено... Слава богу, что они наконец учатся рассуждать здраво и решили вспомнить опыт Российской империи. А он уникален! Сорок лет назад царская контрразведка была одной из лучших в мире. Именно на ее основе работала контрразведка Белой армии... Никто не посмеет сказать, что она действовала плохо. Я научу вас всему, что умею сам. И первое – это хорошо стрелять! – Поманив кого-то пальцем, генерал произнес: – Помогите мне, голубчик.

Сжимая в руках четыре пустые бутылки, вперед вышел ординарец. Аккуратно поставив бутылки на землю, он выжидающе посмотрел на генерала.

– Начинай, – кивнул Голицын.

Взяв по бутылке в каждую руку, ординарец подкинул их высоко вверх. Генерал Голицын мгновенно выхватил из плетеной кобуры «наган». Щелкнули два сухих выстрела, и бутылки осыпали мелкими колючими искрами макушки выстроившихся бойцов. В воздух взмыли еще две бутылки, – на сей раз в противоположные стороны. Генералу понадобились доли секунды, чтобы осознать ситуацию. Оставаясь совершенно неподвижным, он лишь дважды повернул кисть, и пули заставили разлететься бутылочное стекло, отшвырнув далеко за плац вытянутое горлышко и тяжелое непрозрачное донце.

На лицах бойцов застыл немой восторг.

Победно сунув «наган» в кобуру, генерал торжественно изрек:

– Обещаю вам, что через полгода учебы вы будете стрелять не хуже меня. Это говорит вам князь Голицын! А теперь, сынки, разойтись!

* * *

За два месяца, что Беспалый успел провести на курсах, он не помнил случая, чтобы генеральские сапоги были невычищены. На голенищах из тонкой лайковой кожи ни одного пятнышка. А на носках, отполированных до блеска, неизменно гулял солнечный лучик. В руке генерала всегда была тонкая палочка, и он методично постукивал ею по выпуклым голенищам, что должно было означать высшую степень раздражения.

– Если вы так будете держать пистолеты, то уверяю вас, уважаемые господа комиссары, вы отстрелите себе яйца! – заключил генерал безо всякой улыбки.

Никто из бойцов даже не шелкнулся. Строй застыл в ожидании. Уже на второй день пребывания в школе они осознали, что шутить дозволено только одному человеку, царскому генералу, и любая нездоровая инициатива подавлялась в корне, как самый дерзкий бунт. А потому, вытянувшись во фрунт, следовало с самым серьезным видом внимать незатейливому армейскому юмору состарившегося генерала.

А зубоскалить, надо признать, царский генерал умел, и от его слов пахло самой настоящей гусарщиной, замешанной на конском навозе. Голицын был из того племени вояк, что на балу лучше всех умеют танцевать мазурку, а на отдыхе неисправимые ловеласы. При чем материться он умел так, что окопные солдаты в сравнении с ним выглядели неискушенными мальчишками. Голицын не однажды подчеркивал, что в прежние времена бранное слово приравнивалось к штыку, а потому Екатерина Великая щедро награждала фельдмаршалов за матерные изыски.

Слегка приподняв подбородок, он посмотрел поверх голов курсантов и уверенно заключил:

– А мужик без яиц, что баба без манды! – Опять никто не смеется, лишь на лицах отдельных бойцов промелькнули едва заметные улыбки. – С оружием нужно обращаться, как с крошечной птицей. Если птаху держать сильно, то непременно задушите ее, но если сжимать слабо, то она обязательно вырвется! А потому пистолет вы должны ощущать как собственные пальцы. Ясно? – коротко спросил генерал-лейтенант.

Вопрос был обращен ко всем, а потому на него полагалось отвечать дружно.

– Ясно, – невесело пронеслось по строю и неубедительно затихло где-то во второй шеренге.

Тоненький прут рассерженно хлестнул по голенищу.

– Ответа не слышу!

– Так точно, господин генерал-лейтенант! – на этот раз прозвучало с задором.

Голицын весело улыбнулся. Ответ пришелся ему по душе.

Несмотря на царскую форму и обилие орденов, которые давно уже не имели прежней силы, Голицын не выглядел бутафорским генералом. При надобности он мог от души приложить нерадивого бойца и потребовать, чтобы тот на подобное пожалование задорно отвечал:

– Рад стараться, господин генерал-лейтенант!

Резко развернувшись, Голицын подошел к мишени, недовольно похмыкал на пробоины и объявил:

– Дерьмо, господа, а не стрельба! Стрелять из пистолета – эта целая наука! Это вам, братцы, не подолы бабам задирать! Здесь с умом нужно подходить. Пистолет – он особого обхождения требует. Почему раньше дуэлянты хорошо стреляли? И попадали с пятидесяти

шагов в мелкую монетку? Ну-ка, ты скажи, комиссар! – хитровато прищурившись, он ткнул прутком в грудь невысокому мужичку с крепкой короткой шеей.

– Не могу знать! – бодро отчеканил боец.

– Потому что жить хотели! – просветил генерал-лейтенант. – В стволе у дуэлянтов пуш-кинской поры был только один заряд! И промахиваться никто из дворян не имел права, потому что следующая пуля летела разине уже в лоб!.. Это сейчас палят очередями, да все в белый свет. Пистолет дворяне учились держать раньше, чем ложку, и тренировались в стрелковом деле с утра до поздней ночи! А если желания особого не было, так папенька им помогал... розгами! Прилежание воспитывал. Что делали дворяне во время прогулок?

Петр Михайлович неожиданно остановился напротив Беспалого и посмотрел ему в глаза.

Отвечать полагалось незамедлительно, и Тимофей, набрав в легкие поболее воздуха, громко отрапортовал, будто бы на строевом плацу:

– Гуляли с барышнями под белую ручку, господин генерал-лейтенант!

– Ду-урак! – беззлобно вынес суровый вердикт Голицын. Приподняв руку с прутком, он поведаль: – Они носили с собой тяжеленную железную трость, чтобы постоянно тренировать руку. Ясно?

– Так точно! – живо отозвался Беспалый.

Заложив руки за спину, Голицын вновь направился вдоль строя.

– Стрельба из пистолета для дворян была делом жизни и смерти, – со значением произнес Голицын. – Дворянин обязан был быть готовым к любым неожиданностям. Он шел на бал и никогда не знал, чем для него закончится предстоящий вечер. Веселенькой ночью где-нибудь в дальних покоях с какой-нибудь барышней на выданье или оскорблением, которое невозможно простить. А это дуэль!

– А отказаться он не мог? – прозвучал громкий вопрос из середины шеренги.

Голицын развернулся на каблуках, после чего отступил на три шага и, сведя седые косматые брови к переносице, сурово вопрошал:

– Кто сказал отказаться?... Шаг вперед!

Секунду над строем царило неловкое замешательство, после чего первая шеренга слегка колыхнулась и выпустила из своих рядов крепенького мужичка с круглым лицом. В недавнем прошлом тот был слушателем военной академии. Кто знает, не устроил он пьяный дебош в квартире своей любовницы, муж которой, к несчастью, работал в Комиссариате иностранных дел, возможно, закончил бы заведение с отличием. Командовал бы уже на фронте дивизией, а то и корпусом. Как известно, война – время для стремительных карьер. А сейчас вместо полагаемого почета ему приходилось выслушивать маршматика-генерала.

Вопреки ожиданию, лицо Голицына неожиданно подобрело, и он, слегка выпячивая нижнюю губу, произнес:

– Хм... Смел, однако. Не ожидал! – и наставительным тоном продолжил: – Если бы дворянин отказался от дуэли, то из каждого порядочного дома его изгоняли бы палками! – Подумав, серьезно добавил: – И еще собак бы вслед спускали. Понятно?

– Так точно, господин генерал-лейтенант.

– Как фамилия храбреца?

– Дюжев... Андрей Миронович.

– Имя и отчество для кого другого побереги, – буркнул генерал. – Что делали дворяне, прежде чем дать своему отпрыску пистолет?

– Учили обращаться с оружием! – бойко отозвался Дюжев.

– Болван! – коротко и беззлобно заключил Голицын.

У генерала это ругательство было одним из самых безобидных, в чем слушатели успели убедиться еще в первую неделю учебы.

– Так точно! – не растерялся Дюжев.

– Хм... Хвалю. – Помотав в воздухе прутом, генерал-лейтенант просветил: – Отпрыска сначала пороли от души как сидорову козу! – Голицын неприязненно поморщился, будто бы припоминал собственные болезненные ощущения. – Чтобы он сдуру не прострелил себе лоб. Покажи, как ты будешь стрелять! – потребовал Голицын.

Вынув из кобуры «наган», Дюжев выставил вперед руку с оружием, прикрыв один глаз. Неожиданно Голицын подтолкнул бойца в плечо, и тот, под дружный хохот слушателей, растянулся на плацу. Выпавший «наган» отлетел далеко в сторону. Генерал молодцевато нагнулся и поднял пистолет.

– Так вот, дворян еще пороли за то, чтобы они крепко держались на ногах и не закрывали глаза. Боец должен видеть не только то, что располагается прямо перед ним, но и то, что находится в стороне. Это называется боковое зрение! Первое, что он должен уметь, так это хранить равновесие. Поставят ему на плечо стакан с водой, и вот он ходит с ним целый день. А прольет, так сразу получает розог по первое число! – Сжатый в кулаке прут угрожающе колыхнулся. – Когда научится танцевать со стаканом на плече, стакан ставят на голову и снова заставляют ходить. Прольет – опять розги! Дальше полагается держать стакан на вытянутой руке. И попробуй пролей хотя бы каплю! Только после этого ему давали пистолет. Понятно, братцы?

– Так точно, господин генерал-лейтенант!

– В общем, так, возьмешь стакан с водой, поставишь его себе на голову и будешь ходить с ним так целый день, – спокойно приказал Петр Михайлович. – А если увижу, что облился... обещаю выпороть тебя розгами. Уразумел?

В строю раздалась едва сдерживаемые смешки. Вряд ли кто хотел бы поменяться местом с бывшим слушателем академии. На его круглом лице застыла смущенная улыбка. Обливаясь потом, он произнес:

– Так точно!

– А «наган» свой, – сунул генерал пистолет в карман, – получишь после того, как научишься держаться на ногах.

– Нас так учили стрелять в Красной армии, – недовольно проговорил Дюжев.

Генерал-лейтенант нахмурился:

– Здесь вам не Красная армия и демагогию разводить не позволю, прошу это запомнить! Я обещал сделать из вас настоящих контрразведчиков, и я это сделаю! Чего бы мне это ни стоило. Встать в строй!

* * *

День начинался в пять часов утра с многокилометрового марш-броска при полной боевой выкладке, а заканчивался в одиннадцать вечера силовыми упражнениями. Каждый день был расписан по минутам, где кроме стрельбы из пистолета обучали оперативно-боевым методам. На разучивание каждого стрелкового приема Петр Михайлович Голицын отводил несколько дней. Еще месяц назад трудно было представить, что каждый из курсантов стрельбой из обеих рук овладеет всего лишь за неделю. А на освоение «боевого маятника», со всеми кувырками, падениями и прочими комбинациями в виде обманных движений, уйдет всего лишь несколько дней. Странно было думать о том, что совсем недавно они ничего не слышали о «встречном поиске». Собственно, стимул для учебы существовал, – в конце каждой недели генерал Голицын устраивал экзамен, в результате которого отчислялось несколько слушателей.

Судьба их была предрешена – передовая!

А потому каждый из бойцов всегда готовился к предстоящей проверке весьма серьезно.

В окно незаметно постучалась очередная суббота, а следовательно, наступило время для очередного экзамена. Еще с утра в расположении школы царило гнетущее напряжение, хотя имелась и небольшая причина для радости, – учеба в школе приравнивалась к боевым дей-

ствиям, а потому курсантам полагалось по сто граммов «наркомовских». Весьма приятная разрядочка в конце боевой недели. Обычно для выпивки объединялись втроем. Примут счастливики на грудь для настроения, пошатаятся по лагерю, да и завалятся спать.

Несмотря на предстоящий экзамен, настроение у Тимофея, в общем-то, было неплохое. Хотя бы даже оттого, что в этот раз подоспел его черед выпивать «наркомовские». А потому к подобному мероприятию он подошел с душой, можно сказать, по-творчески. Сбегав ночью в село, он раздобыл селедочки у одной крепкой вдовушки и теперь фантазировал на тему «армейское застолье». Даже если в этот раз ему суждено расстаться со школой, то сделает он это во хмелю, а потому с радостным сердцем.

Неожиданно размышление Тимофея прервал властный окрик Голицына:

– Боец Беспалый!

– Я! – вышел вперед Тимофей.

– Экзамен мы начнем с тебя.

Полагалось произнести: «Так точно!», но Тимофей Беспалый, из какого-то мальчишеского озорства, произнес:

– Я не возражаю.

На морщинистом лице генерала появилась снисходительная гримаса, дескать, еще бы ты возражал. Иногда Петр Михайлович разрешал с собой спорить. Сейчас это был тот самый случай.

Накануне в центре строевого плаца была установлена толстая дубовая колода, на которой горделиво возвышалась бутылка из-под шампанского (в лучших гусарских традициях!). Голицын отсчитал шестнадцать шагов от колоды (привычная дистанция для стрельбы в царской контрразведке, на которой обычно отрабатывались всевозможные трюки) и уверенно воткнул в землю ивовый прут. Князь извлек из кармана френча «наган» и демонстративно вставил в барабан боевые патроны. Собственно, в этом тоже не было ничего удивительного, так он поступал перед каждым экзаменом, считая, что создание ситуации, приближенной к реальному бою, очень стимулирует учебный процесс.

Судя по тому, как продвигалась учеба, в его словах присутствовала сермяжная правда.

Голицын протянул пистолет Тимофею:

– Ваша задача – расстрелять бутылку во время прыжка. Предупреждаю, противник хитер и коварен! Он не станет дожидаться, пока вы выберете удачное место для падения, он будет стрелять! И стрелять будет метко... А немецкие «шмайсеры» с близкого расстояния перерезают человека пополам! У автомата прицельным будет первый выстрел, его надо бояться, остальные пули уйдут вверх. А потому, падая, вы должны уничтожить противника до того, как он нажмет на курок, – четким голосом наставника напоминал генерал-лейтенант. Голицын стоял немного сбоку, на расстоянии десяти шагов. Дистанция убойная, промахнуться мог разве что абсолютный слепец. Князь Голицын таковым не являлся. – Как только я подниму руку, вы должны прыгать. Если этого не произойдет, то пулю вы получите от меня! В нашей школе все должно быть, как на войне. А потом, при любых учениях допускается небольшой процент потерь... Думаю, что меня не осудят за это.

Никто из слушателей не сомневался, что так оно и произойдет. Старый князь уже не однажды удивлял своими выходками. Заранее доставать «наган» не полагалось. Трюк должен выполняться в одно движение. Расстегнутая кобура – пожалуйста! Но не больше.

Занятия с князем Голицыным не прошли бесследно. Это уж точно! Кроме умения стрелять, у каждого из бойцов вырабатывалось новое мироощущение. А это уже на всю жизнь.

Через три месяца учебы упражнения с пистолетом были доведены практически до автоматизма, и скоро Тимофею Беспалому стало казаться, что он родился с кобурой под подушкой.

Беспалый словно бы глянул на себя со стороны: все происходило, как в замедленном кино, будто бы с кем-то другим, но очень похожим на него. Рука Петра Михайловича

неуклонно поднималась для выстрела и в это же самое время, сконцентрировавшись, боковым зрением Тимофей увидел бутылку из-под шампанского. Неожиданно, словно в силу какого-то оптического эффекта, бутылка вдруг принялась увеличиваться, принимая почти гигантские формы. Каким-то невообразимым чувством он сумел рассмотреть на темно-зеленой поверхности даже мельчайшие пятнышки и сколы.

Грешно было не попасть в такую громадину!

Неведомая сила вдруг швырнула его в сторону. В падении Тимофей Беспалый сумел вырвать из кобуры «наган», направить его в цель, точнехонько в длинное сужающееся горлышко, и нажать на курок. Не тратя мгновений на созерцание пораженной мишени, он уже смотрел на Голицына, чтобы уничтожить его в падении. Беспалому потребовалась какая-то сотая доля секунды, чтобы перевести пистолет на генерала. Щелчок! И тот убит!

Оказавшись на земле, Беспалый, сгруппировавшись, мгновенно перекатился влево – в наиболее недостижимую для противника сторону – и, перевернувшись на живот, дважды нажал на курок, направив оружие в сторону разбитой бутылки. И вновь перевел ствол на генерала – на тот случай, если выстрелы для противника оказались не смертельными.

Тимофей Беспалый знал, что предполагаемые пули, выпущенные врагом, должны были пройти немного выше его головы, лишь только чиркнув горячим металлом по макушке. Случись боевая ситуация, Тимофей Беспалый не сомневался в том, что сумел бы остаться не только в живых, но и уничтожить человека три.

Несколько секунд Беспалый лежал на животе, буквально вжавшись в землю. Правая рука с пистолетом выброшена далеко вперед, на тот случай, если объявится неведомый враг. В таком положении легче выжить и контролировать ситуацию, а самое главное, улавливать любое шевеление в радиусе тридцати метров. Каким-то непостижимым образом усилились все его органы чувств, и он услышал, как на расстоянии пятнадцати метров у бойцов бьются сердца.

У некоторых тревожно.

– Вставай! – распорядился Голицын.

По довольному лицу генерала Беспалый понял, что он не допустил ошибки. Поднявшись, Тимофей сунул пистолет в кобуру, застегивать ее не стал, как бы тем самым давая понять, что подобная ситуация может повториться. А следовательно, нужно быть готовым ко всяким неожиданностям.

– Первая пуля у тебя была боевая, – произнес генерал и, кивнув в сторону разбитой бутылки, сказал: – И вот результат. Если бы ты служил лет тридцать назад в царской армии, то выиграл бы бутылку шампанского, – очень серьезно констатировал Голицын. – Второй и третий патроны – «вареные». Если бы они оказались боевыми, то Беспалый попал бы мне точно в середину лба! – убежденно проговорил бывший царский генерал. – А теперь в строй, шагом марш!

Развернувшись, Тимофей Беспалый четким строевым шагом вернулся на прежнее место и с улыбкой подумал о том, что двумя стаканами водки отметит маленькую, но ощутимую победу.

– Сомов, – вызвал генерал, устанавливая на прежнее место еще одну пустую бутылку.

Прыгать будет труднее, на плацу валялось битое стекло.

Для каждого экзамена князь имел в своем распоряжении неограниченное количество пустой посуды. Среди слушателей ходил слухок, что пустые бутылки остались с того самого времени, когда боевой контрразведчик мог не только ловить шпионов, но и весело гусарить в окружении милых дам.

Даже сейчас, несмотря на возраст, в нем чувствовался матерый самец, который лет сорок назад способен был доставить неприятелю немало хлопот. На языке контрразведчиков шпионов называли «волками», а тех, кто за ними охотился, именовали «волкодавами». Последним полагалось быть умнее, хитрее и изощреннее.

Голицын был из той самой породы.

– Я! – отозвался худощавый мужчина лет тридцати пяти.

Из политруков-комиссаров. С таким следовало держаться настороже. Продаст с потрохами! Отношения с ним у Тимофея не сложились с первой же встречи. Даже смотрел этот комиссар на Беспалого с прищуром, будто бы через прицел карабина.

Не дождешься, падла!

С товарищами по школе политрук разговаривал высокомерно, резко вскидывая квадратный подбородок. Было в его облике что-то барское, и Беспалый всякий раз невольно поеживался, припоминая лагерное начальство. Попадись такому типу в лапы, так он на ремни порежет, а потом еще заставит потереть пролитую кровушку.

Но царского генерала Сомов побаивался. Это было заметно. В присутствии Голицына растворялась вся его босаяцкая решительность. По существу, они были антиподы, которым суждено стоять по разные стороны баррикад. И ненавидели они друг друга одинаково сильно, что частенько проявлялось в блеске их глаз.

Поговаривали, что в прошлом политрук был цирковым акробатом, а они, как известно, отменные стрелки. Во всяком случае, в последний раз он сумел показать такой уровень стрельбы, что даже Голицын, необычайно скупой на похвальбу, одобрительно хмыкнул. Похвала Голицыну далась трудно, ведь он, несмотря на свой преподавательский статус, отметил классового врага. Вот тогда на лице Сомова промелькнуло нечто вроде удовлетворения и откровенного превосходства. Дескать, в Черное море мы вас сбросили потому, что таких стрелков в Красной армии не счесть. А поднимет голову белогвардейская гидра, так мы ей щупальца мигом покроем.

Генерал Голицын не мог не заметить подобного взгляда, хотя бы даже потому, что это был вызов его голубой крови. Петр Михайлович обязан был поставить зарвавшееся быдло на место, и, судя по решительному взгляду генерала, такой момент настал.

– Завяжите ему глаза! – приказал Голицын.

Что же будет на этот раз? Расторопно подскочил ординарец генерала – коренастенький боец лет тридцати, которого все здесь называли Митрошка, – и, вынув из кармана темную тряпицу, завязал ею глаза политрука. Тот не возражал, стоял как вкопанный. Но по его застывшему лицу видно было, насколько он напряжен. Политрук Сомов превратился в сплошной оголенный нерв. Дотронешься до такого, и он шибанет электрическим разрядом.

Проверив, насколько плотно лежит на глазах Сомова повязка, ординарец трижды прокрутил его.

– В укрытие! – скомандовал генерал, и когда все попрятались, он подошел к политруку и продолжил: – Как я уже говорил, на войне пригодится все!.. Нельзя пренебрегать ни одной мелочью. Особенно важны запахи. Как известно, наши враги не цветы, и они пахнут смрадом... При соответствующей практике их можно унюхать даже за четверть километра. Важно только этого захотеть. Но еще важнее отделить нужные запахи от бесполезных. Потому что первые из них могут принести вам смерть!.. А теперь сконцентрируйтесь и сосредоточьтесь, вы должны не просто унюхать нужные запахи, вы должны представить их в цвете, только так вы сумеете поразить врага!

Генерал прыгнул в окопчик и принялся наблюдать за политруком.

На бочку, метрах в сорока от Сомова, Митрошка положил какой-то сверток, а потом осторожно принялся его разворачивать. Это был «ППШ». С минуту политрук стоял неподвижно, слегка приподняв голову.

– В вашем барабане три патрона. Первые два выстрела, так и быть, будут пристрельными, но третьим вы должны поразить неприятеля.

Политрук был едва ли не единственным бойцом, к которому Голицын обращался на «вы». Но это была вовсе не дань уважения идейному противнику – за вежливой формой обращения пряталась классовая неприязнь.

С минуту Сомов стоял неподвижно, как будто бы прислушивался к своим ощущениям. После чего, подняв голову, шумно втянул ноздрями воздух.

Генерал-лейтенант Голицын не лукавил, когда говорил, что запах боевого оружия можно унюхать на расстоянии полукилометра. Собственно, так оно и было. Проверено! Но так как расстояние до автомата было небольшим, то едкая гарь буквально забивала ноздри.

Теперь удивлялся тем людям, что не способны были уловить чуждые запахи. Важно было настроиться и захотеть этого. Сам он за последние недели научился различать многие запахи. Ему удалось зафиксировать их в памяти, будто бы разложив по полочкам, и он знал, что в нужное время сумеет воспользоваться этими знаниями. В его восприятии запахи не смешивались, во всяком случае, не настолько, чтобы их невозможно было бы отделить друг от друга. В этом можно было убедиться, блуждая по лесу, где каждый цветок благоухал по-своему, принося в общую гамму запахов свой неповторимый аромат.

Голицын не обманывал, когда утверждал, что каждый запах имеет свой цвет. И вместе с тем каждый из них индивидуален. Как невозможно представить двух совершенно одинаковых людей, так невозможно встретить два одинаковых запаха. Все дело в оттенках. В одном случае запах имеет больше зеленого цвета, в другом – преобладает синий или, предположим, оранжевый. Но запах нечищеного оружия невозможно было спутать ни с одним из них – он был темно-коричневый, причем очень насыщенного цвета! Запах казался настолько плотным, что легко забивался в носоглотку и не позволял дышать.

К любому запаху можно со временем адаптироваться. Если постоянно проживаешь в какой-либо атмосфере, даже перестаешь ощущать ее особенность. Но к запаху нечищеного оружия невозможно привыкнуть, а тем более вытравить его из сознания. Наоборот, со временем он становится необычайно агрессивным и в нем начинают преобладать темные оттенки.

Только человек, напрочь лишенный обоняния, мог не заметить этого навязчивого запаха.

Сейчас политрук напоминал настоящего матерого волка, чутко принюхивающегося к потенциальной жертве. А она была недалеко, в каких-то сорока метрах. Лежала на крышке ржавой бочки, поверх белой промасленной тряпицы. И мало кто из курсантов сомневался в том, что он достанет эту «жертву».

Повернувшись градусов на шестьдесят, Сомов оказался точно напротив цели. Стараясь усилить дыхательный эффект, он слегка постучал кончиками пальцев по ноздрям, после чего застыл, принюхиваясь. Можно было только догадываться, какой могучий напор пороховой гари вдохнула его носоглотка. Пошевелив слегка головой, он осознал, что направление выбрано верно. Рука Сомова осторожно, ни разу не дрогнув, принялась медленно опускаться, пока наконец не остановилась точно на уровне крышки бочки. После чего уверенно застыла, будто бы Сомов прицеливался. Раздалось два выстрела подряд, и покореженный «ППШ» слетел с бочки, уткнувшись стволом в землю.

– Неплохо! – скупно признал генерал. – Встать в строй!

Вечер нагрянул быстро, сразу после экзаменов. В числе неудачников оказалось четверо бойцов. Парни старались держаться молодцевато, но глаза, полные тоски, выдавали их с головой. Уложив нехитрое бельишко в затертые сидора, они поухмылялись на свое учебное бытие и отбыли в неизвестность, щеголевато козырнув на прощание.

По собственному опыту Тимофей Беспалый знал, что после двух стаканов водки он засыпал мгновенно, будто бы проваливался в преисподнюю. А в этот раз наоборот – сон не брал его. Изрядная доза спиртного не отняла у него сил, наоборот, добавила ему энергии, Тимофею теперь ничего не оставалось, как бестолково пялиться в потрескавшийся потолок.

Около двух часов ночи он окончательно осознал, что выспаться ему не удастся. А следовательно, весь следующий день он будет усталым и разбитым. Но выглядеть бойцу полагалось свежо. Именно на завтрашний день генерал Голицын назначил поединки, где следовало применить «боевой маятник». Со всем комплексом рывков, кувырков и всевозможных падений, что были изучены в последние недели.

Весь фокус заключался в том, что вместе с холостыми патронами в обоях у слушателей было несколько боевых, что по замыслу Голицына не только позволяло приблизить занятия к боевой обстановке, но и значительно ускоряло учебный процесс. Всем известна истина, что один месяц, проведенный в боевых условиях, приравнивается к полугоду полевых занятий. А потому завтра требовалась обостренная интуиция, а для этого необходимо было как следует отдохнуть. Тимофею Беспалому было бы крайне досадно покидать школу раньше положенного времени, да еще с такой «неприятностью», как дыра во лбу.

На стуле дремал дневальный. Уж этого лунатиком не назовешь, наверняка сейчас он мечтал о кровати и мягкой подушке. Боец даже не заметил, как Беспалый прошел мимо (еще один кандидат на выбывание, найдутся люди, что сообщат о его ротозействе Петру Михайловичу Голицыну). Тимофей отстегнул у дневального штык-нож и сунул его под тумбочку. Хмыкнув, с некоторым злорадством подумал: «Будет парубку, чем заняться в свободное время!»

На улице было прохладно. Удивляться не стоило, ночь! Задрав голову, Беспалый увидел на небосводе огромное количество звезд.

Метрах в трехстах от казарм возвышался собор. Он был разрушен еще в двадцатые годы. Место пустынное и в высшей степени унылое. В деревянном флигельке проживал сторож со своей дочерью, но держались они всегда особняком, избегая всяких долгих разговоров.

Дочь сторожа никогда не приближалась к расположению школы, и Тимофей наблюдал за ней издали. Только однажды он увидел ее на расстоянии вытянутой руки, когда девушка, по какой-то надобности, наведлась в учебный корпус. Тимофей не мог не отметить, что барышня была необычайно мила. Не сказать, чтобы она была писаная красавица, но в ней присутствовал шарм, который мог серьезно пошатнуть моральные устои самого невлюбчивого мужчины. Несколько раз Беспалый попытался искать с ней встречи, но скоро быстро осознал всю бессмысленность подобных попыток. Девушка была дикаркой и шарахалась от любого мужского взгляда.

Купола, лишённые крестов, выглядели невероятно тоскливо, почти злое. Ну, точно остриженный наголо поп! Но странное дело, исковерканный образ храма притягивал и пугал одновременно. С минуту Тимофей боролся с нахлынувшим наваждением, а когда осознал, что подобное противоборство превращается в душевную маету, окончательно сдался, сделав по узкой тропе решительный шаг.

Возможно, именно это ощущение и называется интуицией. Он не осознавал, зачем так поступает, но нечто совершенно необъяснимое, что жило внутри его, заставляло его двигаться в сторону собора. И совсем не так, как если бы он вдруг вознамерился полюбоваться храмом, а хищно, по всем правилам оперативно-диверсионной науки, скользя от одного камня к другому, быстро пересекая открытое пространство. При этом он старался не шуметь, не наступать на сухие ветки и гравий, которым была осыпана тропа. Так крадется рысь, выслеживая добычу.

Теперь Тимофей отчетливо осознал: все, что делает он, – не случайно, естественная мера предосторожности. Треснувшая в ночи ветка прогремит так же громко, как залп из артиллерийских орудий.

Подкравшись к собору, Тимофей увидел в глубине подвала свет и понял, что интуиция его не подвела. Место это было нежилое. На старой железной двери, проржавленной по углам, висел огромный замок, который, по всей видимости, не открывался с тех самых времен, когда в соборе проходили богослужения. Собственно, замок на двери был и не нужен, потому что все, что возможно было вынести, уже растащили по дворам хозяйственные крестьяне, а охранять

холодные стены было как-то без надобности. Замок на двери подвала висел, по-видимому, для пущего порядка. Во всяком случае, он никому не мешал и вопросом: «Почему заперта дверь?» тоже никто не задавался. Но сейчас дверь подвала оказалась распахнута, что выглядело весьма непривычно. Из сумрачных недр на каменные ступени падал мягкий колеблющийся свет горящей свечи.

Свет становился все более ярким, кривые ломанные тени, зловеще выпрыгивая, падали в пустынный коридор. Неожиданно где-то в стороне прозвучали глухие удары. Тимофей невольно насторожился. Но человек, находящийся в глубине подвала, совершенно не обращал внимание на звуки, раздававшиеся извне, и продолжал заниматься какими-то своими делами. Беспалый невольно подивился – неужели тот не слышит громких ударов? И через секунду с усмешкой осознал, что это было биение его собственного сердца.

Укрывшись в непроглядной тени неподалеку от двери, ведущей в подвал, Беспалый с нетерпением стал ожидать, кто же выйдет из подвала. Наконец он увидел сухую долговязую фигуру, слегка согнувшуюся, словно под какой-то тяжестью. Лица было не разобрать, оно оставалось в тени, и только когда рука со свечой поднялась, чтобы осветить дорогу, Беспалый невольно вздрогнул от неожиданности. В высоком худощавом мужчине он узнал генерала Голицына. Интересно, что же здесь делает глубокой ночью этот странный старик?

Генерал вдруг остановился и, оглянувшись, негромко произнес:

– Ты все закрыла?

– Да, – послышался в ответ женский голос.

– А то хлопот не оберешься! – предупредил генерал.

– Я знаю, папенька, – отозвался женский голосок.

Папенька, значит! Генерал никогда не говорил, что обременен семейством. По его личному заверению вся его семья сгинула в огне Гражданской войны. Он был одинок как перст. Собственно, зная быт генерала, никто в этом не сомневался. И вот на тебе, сюрпризец выискался!

Беспалый подался назад. Генерал Голицын обладал необыкновенной интуицией и почти звериным чутьем. Порой Тимофею казалось, что Петр Михайлович имеет глаза даже на затылке.

– И больше сюда не приходи, – строго наказал Голицын, выбравшись из подвала.

Их разделяло всего лишь несколько метров и тяжелая толстая дверь. Ладони у Беспалого сделались слегка влажными, и он боялся, что генерал почувствует, что кто-то рядом. Собственно, страх – это такая же физическая субстанция, как свет или, предположим, звук. Только не каждому дано воочию увидеть его. Важно настроиться на соответствующую волну, и, насколько Тимофею было известно, князь подобными талантами обладал. На прошлом занятии Голицын рассказал о том, что любой офицер царской контрразведки способен был ввести себя в состояние боевой направленности, отключая все мысли, создавая внутри себя абсолютную пустоту. В эти минуты тело, как чуткий камертон, способно было принимать все звуки, все движения, даже те, которые прежде не улавливались органами слуха и зрения. Но самое удивительное заключалось в том, что в таком состоянии человек способен был видеть ощущения. Например, страх и радость других людей. И если веселье походило на какие-то желтоватые лучи, исходящие от всего тела, то страх был темно-синего цвета, он словно испарялся от всей поверхности кожи, отнимая у человека значительные силы.

Голицын рассказывал о том, что именно таким образом ему удалось подстрелить вражеского лазутчика в Гражданскую войну, когда тот надумал пересечь линию фронта. В состоянии боевой направленности настоящий разведчик способен отличить человека от нагретого предмета. Важно только суметь мобилизоваться и сосредоточиться. Сначала он увидел невесту откуда струившийся словно бы синеватый светящийся дымок и только потом сумел распознать ползущего человека. Странное дело, но в тот момент он даже сумел прочитать его мысли и

понять, насколько тому одиноко и страшно. Взяв винтовку, князь прицелился в этот движущийся сгусток энергии и выстрелил. Даже не видя цели, он был уверен, что поразил противника, потому что мерцающий синеватый дымок враз исчез. Когда наступило утро, Голицын убедился в том, что выстрел его был удачен: точно в левый висок, как он и предполагал.

Тимофеем опасался, что нечто подобное может произойти и сейчас. Эти контрразведчики царской армии действительно какой-то особенный народ. Вдруг его страх в образе какой-нибудь темно-синей змейки просочится сквозь дубовый заслон и доберется до генерала Голицына.

Беспалый нагнулся, пошарил по земле рукой. Где-то здесь должен быть обломок кирпича. Он не смотрел себе под ноги, он не бывал в этом уголке прежде, но точно знал, что под ногами лежит половинка кирпича. Тимофей абсолютно точно представлял, какой она формы: слегка округлой, с отбитыми краями. И когда его пальцы нащупали именно такой обломок, он даже не удивился. Выпрямившись, он подумал, что просто так он не дастся. Куда-то незаметно, сам собой, отступил страх, а на его место вернулась утраченная уверенность в себе. В течение нескольких минут он превратился в зверя, способного действовать на обостренных рефlekсах. Только так и можно было выжить. И вместе с неведомым ранее ощущением полной сосредоточенности усилились и все чувства. Он понимал, что сейчас превосходит способности генерала. Оно и понятно: Голицын – старик, с угасающей энергетикой, часть органов чувств, в силу естественного дряхления, уже безвозвратно притупилась, а Тимофей – боец в расцвете сил, наоборот, приобрел качества, не познанные ранее. И чем сильнее он ощущал перемены в себе, тем сильнее зрела в нем уверенность, что он непременно победит. Тимофею казалось, что в этот момент он способен видеть даже сквозь стены.

Но перед ним была всего лишь небольшая щелочка, в которой он отчетливо различал два силуэта. Не расплывчатые, как это бывает ночью, а предельно четкие, будто в ясный солнечный день. Удивительное дело, но он сумел рассмотреть даже глаза девушки, а они оказались светлогарими. Вместе со звериным чутьем к Тимофею пришла уверенность, что он одолеет старого контрразведчика, если тот вдруг сумеет его обнаружить. Хотя убивать генерала будет очень жаль. Беспалый надеялся, что у Голицына сработает интуиция, и он, поддавшись инстинкту контрразведчика, пойдет прочь от опасного места.

Но генерал выглядел каким-то беспечным. Он совсем не собирался уходить, тем самым продолжая искушать судьбу. Некоторое время Голицын смотрел в его сторону, будто пытался рассмотреть в темноте нечто враждебное. Тимофей уже подготовился к стремительному броску, но Петр Михайлович неожиданно отвел глаза.

– Хорошо, – отвечала девушка.

– Ладно, я пойду, что-то тревожно у меня на душе, а ты возвращайся к себе.

Генерал задул свечу. Темнота навалилась со всех сторон, пытаясь поглотить присутствующих. Но Беспалый знал совершенно точно, что у нее ничего не получится, в эту самую минуту он так сумел раздвинуть диапазон своего зрения, что ему позавидовали бы даже кошки.

Девушка направилась в сторожку. С минуту он видел ее тонкую фигуру, скользящую по узенькой тропинке, а потом барышня исчезла. Еще через несколько секунд тишину расколол скрежет задвигаемого засова.

Беспалый продолжал прислушиваться. Голицын удалялся, и под его подошвами равномерно и тихо похрустывал гравий. Но что-то не поддающееся объяснению подсказывало Тимофею, что это еще не все, угроза все еще находится где-то рядом. Именно это не позволяло ему выходить из-за укрытия.

Еще через несколько секунд он понял, что интуиция его не обманула. Опасность находилась всего лишь в каких-то сорока метрах от него и двигалась неторопливо точно по направлению к собору. Это был человек среднего роста с пистолетом в правой руке. Он уверенно держал оружие у пояса. Наиболее удобное положение для выстрела. В случае ближнего боя

оружие будет очень трудно выбить, и в то же самое время амплитуда его действий чрезвычайно широка. С такой позиции можно было поразить практически любую цель, достаточно только развернуть в нужном направлении кисть.

Тимофей не шевелился, всматриваясь в крадущегося человека. Тот был насторожен, держался скованно, следовательно, он ожидал встретить здесь опасность и, несмотря ни на что, продолжал идти к ней навстречу. Подобное поведение вызывало уважение и заставляло относиться к незнакомцу с еще большей осмотрительностью.

Его фигура показалась Беспалому знакомой. Хотелось рассмотреть его лицо, но из-за широкого козырька, что был надвинут на самый лоб, сделать это не удавалось. Незвестный был одет так же, как и все остальные курсанты, стало быть, не только у Беспалого возникла потребность прогуляться в ночи. Ноги от неподвижного напряженного состояния занемели. Тимофей шевельнулся и почувствовал, как под левой ступней ворохнулся махонький камешек. Такой шорох вряд ли можно было услышать дальше трех метров. Но человек, находящийся от него на расстоянии в полсотни шагов, резко развернулся в ту сторону, где прятался Беспалый. Теперь Тимофей был уверен, что тот расслышал в ночи хруст камешка. А следовательно, невестный был подготовлен не менее обстоятельно, чем он.

Постояв секунды две в ожидании, незнакомец прыгнул за грудку камней и мгновенно слился с темнотой.

Тимофей посмотрел на небо, светало, звезд уже поубавилось. Пора бы возвращаться в казарму. Хватит на сегодня приключений.

Глава 4

ЮВЕЛИР ЗАЛЫЦ

Как удалось выяснить Варягу, Леонид Яковлевич Залыц был весьма стар и являлся одним из лучших ювелиров в России. Свое мастерство он не пропагандировал, ему это было без надобности. Не случалось у него и персональных выставок, но тем не менее от богатых клиентов у него не было отбоя. Каждому знающему человеку было известно – где Залыц, там всегда присутствует отменное качество ювелирных изделий.

Хорошие ювелиры – это всегда некая каста избранных, посторонних они в свой круг не пускают. Традиционно весь мир для них делится на коллег (очень тонкая прослойка) и клиентов. Дружеские связи здесь тоже не приветствовались. Просто так с улицы к Залыцу было не попасть, не потому что тот не откроет дверь, а оттого, что так не принято. Даже если предположить, что ювелир разрешит пройти в свою гостиную, то он по-прежнему будет оставаться глух и непрошибаем, как толстая кирпичная стена, и это при всей кажущейся внешней любезности. «Раскрутить» Залыца на откровенный разговор невозможно, даже если подвесить его за ноги, а внизу распалить огромный костер. Он, как и его камни, явно был сотворен из твердого материала.

Единственное, чем не пренебрегали ювелиры и к чему относились с заметным уважением, так это к рекомендациям от почтенных людей.

У Варяга был такой достойный человек. Ювелир и владелец очень крупного магазина. Несколько лет назад коронованный избавил его от залетных беспредельщиков, прибывших откуда-то с Южного Урала, которые почему-то посчитали справедливым забирать у бедного еврея половину дневной выручки. За те три месяца, что шакалье пробыло в Москве, они успели изрядно поднадоесть всем. Избавить от них город было просто благодеяние. Собственно, дело было не столь и сложным, тем более что шайка залетных, пренебрегая всеми правилами безопасности, успела засветить все свои берлоги. Оставалось только выждать удобное время и завалить парочку наиболее ретивых. Остальные, не пережив шока от неожиданной потери, ближайшими поездами оставили негостеприимную столицу.

Ювелир оказался человеком благодарным и искренне пообещал Варягу, что если потребуется помощь господина Блома, то он всегда к его услугам. Тогда Варяг встретил предложение ювелира улыбкой, но тактично отказываться не стал, помнится, даже сделал вид, что она ему может понадобиться. И вот сейчас, при новом повороте судьбы, Варяг осознал, что ювелир был большим провидцем.

Внимательно выслушав просьбу Владислава, Блом со всей серьезностью сказал:

– Для меня нет большего дела, чем помочь вам, Владислав Геннадьевич. Мне это не будет особенно обременительно. Леня Залыц – мой кум. Если бы вы знали, какую замечательную рыбу-фиш делала его матушка! – в восхищении Блом закатил глаза и поцеловал сложенные пальцы. – Умерла старушка! – безжалостно вынес он печальный вердикт. – Сейчас такую рыбу делать не умеют... А кто умел, так уже давно уехали в Землю обетованную... Так что по поводу рекомендации не беспокойтесь. – И, выдернув из блокнота листок, он коротко написал: «Леня, отнесись с пониманием. Мой человек».

Записка на Леонида Залыца произвела должное впечатление. Он привечал Варяга так, словно у того было желание скупить весь ювелирный магазин. А если бы Залыц не овдовел три года назад, так наверняка подложил бы под бок уважаемому гостю свою престарелую женушку.

За ювелирным залом была небольшая комнатка с мягкой мебелью. Собственно, там и происходил разговор.

– Так что вас интересует, милейший? – спросил Леонид Яковлевич, наливая в бокал Варягу красного вина.

Отказываться было грех.

– Меня интересует Тимофей Беспалый, – откровенно ответил Варяг.

В лице Зальца что-то неуловимо переменялось. То есть оно продолжало оставаться таким же доброжелательным и воплощало образец внимательности, на нем по-прежнему было написано желание исполнить любую просьбу гостя (хотите луну с неба, милейший, так извольте!), но вместе с тем в нем произошли какие-то качественные перемены, не заметить которые мог разве что человек неискушенный. Варяг таковым не являлся.

Кисти Зальца сцепились в замок.

– У-у, – негромко протянул он. – Не ожидал. Признаюсь, вас много интересует. – И, качнув головой, согласился: – Хорошо, я расскажу все, что знаю! Сами понимаете, если бы не рекомендация, – постучал он по карманчику, где у него пряталась крохотная записка от Блома. – Что именно вы хотите услышать?

– Как давно вы знаете Беспалого?

– Хм... Насколько я понял, вы не из милиции, – проницательно заметил старый еврей, и его взгляд, очень напоминающий взор хищной птицы, на мгновение замер.

Владислав улыбнулся:

– Нет.

– Ну вот и славно, – расслабился Зальц. – Я знаком с Тишей всю жизнь. С того самого времени, когда он еще был законным вором. Некогда он частенько навещался к моему покойному батюшке, – закатив глаза к потолку, произнес ювелир, не забыв при этом подпустить в голос толику скорби: – Царствие ему небесное... Захаживал с хорошими камешками. Отец скупал их. Мы понимали, что бриллиантики с душком, но кто мог устоять?! Поймите бедного еврея, ведь батюшка мой был ювелиром от бога! Потом у меня у самого завязались с Тишей деловые отношения, ведь как-то надо было выживать в этом суровом мире, – искренне посетовал он.

– Что именно он предлагал вам?

– Хорошие камешки, бриллианты, изумруды... Однажды он принес мне очень хорошие бриллиантики, каждый из них был величиной с ноготь. Необыкновенно прозрачные! Ни до, ни после ничего подобного я не видел, – глаза старика алчно вспыхнули.

– Эти камни были с ожерелья? – спросил Варяг, насторожившись.

Зальц отрицательно покачал головой:

– Совсем нет. Камни для ожерелья обрабатываются совсем по-другому. У меня такое впечатление, что они были из окладов икон. – Зальц приложил руки к груди: – Я человек глубоко верующий, а потому купить у него эти камни не мог. О чем и сейчас не жалею. Подобного святотатства бог не прощает. Потом на некоторое время Тиша пропал. Ходил слухок, что его убили в одной из колоний. Я уже начал забывать его, как вдруг он появился в моей скромной лавке да еще в форме сотрудника НКВД... Вы представить себе не можете, что пережил в эти минуты бедный еврей! Конечно, мне нечего терять, но ведь не до такой же степени! – возмущенно воскликнул Леонид Яковлевич. – Но оказывается, волновался я напрасно, он пришел с большой суммой денег и купил у меня самые ценные бриллианты. С тех пор он у меня появлялся систематически. Во всяком случае, примерно раз в три месяца. Приносил деньги и скупал бриллианты. То продавал, а потом начал скупать. Оправа его не интересовала. Ему нужны были только камешки, – с улыбкой поведал ювелир. – По моим самым скромным подсчетам, бриллиантов у него набралось килограмма два. – Подумав немного, он добавил: – А то и все три!

Варяг не сумел сдержать улыбки. Видно, очень неплохо живет Тимофей Егорович Беспалый, если измеряет собственное состояние килограммами бриллиантов. Хотя последняя встреча с ним не наводила на мысль о том, что этот человек своим богатством дышит в затылок самому Рокфеллеру.

– Куда же он подевал все эти бриллианты? – спросил Варяг.

Зальц развел руками:

– Я – ювелир, мое дело камешки. А потом у меня такая профессия – не задавать людям лишних вопросов. Иначе я могу потерять не только клиентов, но и собственную голову. – Задумавшись, Зальц продолжал: – Но у меня есть соображения по этому вопросу. Не думаю, чтобы он держал бриллианты где-то очень далеко. Камешки – это такая вещь, которая может понадобиться в любой момент. Может быть, он закопал их где-то в лесу или спрятал у себя на даче. А может, припрятал еще где-нибудь...

– У вас есть основания так полагать?

Зальц утвердительно кивнул:

– Да. Однажды у меня появился черный крупный бриллиант чистой воды, которым я очень дорожил. Тиша, узнав о моем приобретении, пришел ко мне и попросил продать его! Я предложил Беспалому, чтобы отделаться от него, заведомо неравноценную сделку: сказал, что этот бриллиант могу поменять только на несколько крупных прозрачных бесцветных бриллиантов. И что вы думаете?! – удивленно произнес Зальц, всплеснув руками. – Через два дня он принес мне несколько камешков, которые я продал ему лет десять назад!

Варяг поднял бокал с вином и посмотрел его на свет. Цвет напитка был темно-красным. Вино слегка колыхнулось и заиграло разноцветными красками. Точно так же выглядит подсвеченный рубин. Слегка отпив, Владислав оценил вкусовые качества вина. Оно было приятным, с едва уловимой горчинкой, но этот привкус только добавлял ему пикантности. Чувствовалось, что Зальц большой ценитель вина.

– Вы не могли ошибиться? – спросил Варяг.

Зальц обиженно надул губы:

– Разве отец может спутать своих детей?! Каждый из этих камешков я обрабатывал лично, вот этими самыми ручками, – раскрыл он ладони. – Это на первый взгляд все камни одинаковые, но каждый ювелир имеет свой почерк. Работу старого Зальца невозможно спутать ни с какой другой.

– Когда вы видели Беспалого в последний раз?

У Зальца был профиль хищной птицы – крупный с горбинкой нос слегка загибался книзу, глаза не смотрели, а буравили собеседника.

– Хм... Собственно, мы встречаемся с ним постоянно, прошло каких-то пара месяцев.

– И все это время он приносил вам бриллианты? – не сумел сдержать своего удивления Варяг.

– Не совсем так, просто старые бриллианты он выменивал на более крупные.

– А как давно вы знали Юрия Германовича Велесова?

Зальц слегка крякнул:

– Хочу вам сказать, что у меня очень большая биография. В молодости мне приходилось бывать в подвалах Лубянки. Там тоже задавали очень много неприятных вопросов... Но замечу вам прямо, я с ними не был столь откровенен, как с вами... Юра Велесов работал у меня сторожем. Потом я его выгнал.

– Почему?

– У меня имелись основания подозревать его в краже... По мелочам, но все же! – Ювелир развел руками и продолжал: – Убить его, сами понимаете, я не мог, но вот оставить без работы было в моих силах.

– А можете сказать, знал ли его Беспалый?

– Я знаю, что они были знакомы. – Задумавшись, Зальц продолжил: – По этому поводу у меня есть кое-какие соображения. Надо проверить. Сможете зайти завтра?

– Разумеется.

– Вот и хорошо. Думаю, что это явится для вас настоящим сюрпризом. Я уже начинаю догадываться, с кем имею дело.

Залыц осторожно взял бутылку вина и дополнил бокалы. Несколько капель упало на полированную поверхность дубового стола. Протирать стол ювелир не стал, видно, поленился, а может, это было сделано намеренно – некоторый художественный беспорядок большого мастера.

Уже минуты три над столом летала огромная черная муха, раздражая Владислава своим чрезмерным нахальством. Неожиданно она опустилась на стол и энергично двинулась в сторону пролитого вина. Раскрутив хоботок, муха похлебала рубинового напитка, после чего взмыла в воздух, сердито жужжа. Надо думать, что весь следующий день она будет мучиться похмельем. Бедная безмозглая тварь!

Разговор был закончен. Оставался последний штрих. Владислав вырвал из блокнота листок бумаги и черкнул несколько цифр.

– Если вам потребуется от меня помощь, позвоните вот по этому телефону. Со мной свяжутся немедленно.

Варяг вышел на улицу. Внешне ничего не изменилось, никакихстораживающих признаков, но что-то было не так. У бордюра стояла машина с охраной. Парни свое дело знали, передняя дверца джипа приоткрыта, и на сиденье, повернувшись в сторону улицы, сидел Сергей, пристально наблюдая за каждым прохожим. Тарантул шел рядом с Варягом. Взглянув на помрачневшее лицо шефа, он тотчас угадал его настроение.

– Что-нибудь случилось? – спросил он, прикрывая Варяга со стороны тротуара.

– Случилось, – кивнул Владислав и юркнул в распахнутую дверь.

Чувство безопасности вернулось в тот момент, когда Варяг оказался в салоне машины. Бронированный металл, это все-таки кое-что значит!

Тарантул с ожиданием смотрел на Варяга. Последняя неделя складывалась не очень благополучно – одна неприятность наползала на другую. Один из их доверенных людей в ФСБ сообщил, что была засвечена последняя хаза Варяга, и Варягу удалось разминуться с группой захвата всего лишь на несколько минут. Позже Варяг с интересом просматривал видеозапись с предполагаемого места задержания. Ребята так волновались, когда пытались проникнуть к нему в квартиру, что позорно застряли в дверном проеме. А ведь все предельно просто, даже школьнику ясно, что четыре человека в одну дверь не пролезут. Следует входить по двое: один контролирует верхний этаж, а второй работает по ногам.

Вот только что же вам, братцы, от меня потребовалось?

Но за последнюю неделю эта неприятность была не главной. Один высокий чин из МВД поведал о том, что на Варяга развернулась серьезная охота. Вычислены места, где он может появиться, и вокруг этих квартир установлено круглосуточное наблюдение с парочкой снайперов на крыше. Так что Владислав, по мнению генерала, был обречен. К любой информации подобного рода Тарантул всегда относился со всей серьезностью, но на этот раз, выслушав генерала, он только недоверчиво хмыкнул. Варягу показалось, что Константин даже не сумел сдержать улыбки над опасениями генерала. По мнению Тарантула, охрана Варяга была организована почти безупречно. Во всяком случае, не каждый президент мог похвастаться таким уровнем подготовки своих телохранителей. Но когда люди Варяга выехали на место, чтобы проверить сведения, полученные от генерала, то выяснилась неприятная вещь – квартиры действительно очень плотно опекали. Оставалось непонятным, каким образом «цветным» удастся наступать Варягу на пятки. Впрочем, предположения были: или у конторы очень серьезный аналитический отдел, или...

О последнем варианте Тарантулу не хотелось думать.

– У меня дурное предчувствие... Вот что, оставь охрану у этого ювелира. Беспальный наверняка сюда вернется.

– Сделаем, – отвечал Тарантул, выходя из машины.

Варяг видел, как Константин подошел к джипу, что-то сказал парню, сидящему на заднем сиденье, и тот проворно выскочил из салона. Прежде Варяг его не замечал. Очевидно, кто-то из новеньких. Варяг не влезал в дела охраны, целиком полагаясь на ум Тарантула и профессионализм телохранителей. Ведь он до сих пор жив, следовательно, свои обязанности парни исполняют исправно.

– Все! – влез обратно в салон Тарантул. – Эта смена пробудет около магазина ювелира четыре часа, потом их подменят другие.

– Не помешает взять ювелира под наблюдение дней на десять, – задумчиво сказал Варяг.

– Хорошо! – живо отозвался Тарантул.

«Мерседес», пропустив сопутствующие автомобили, тронулся с места.

Была еще одна причина, что заставляла беспокоиться Варяга. Сегодня утром ему доставили письмо. Уже само по себе было удивительно, что оно дошло до адресата, так как о его местонахождении знали считанные единицы. Но еще более странным оказался смысл письма. Листок был почти пустым, если не считать нарисованного волка, высоко задравшего хищную морду. И поди разберись, что у него на уме: не то воет на луну, не то созывает сородичей на кровавую охоту. Незнакомый художник четкими и точными штрихами умело подчеркнул могучую мускулатуру хищника.

Варяг не знал, как следует относиться к этому посланию, – то ли это предупреждение о чем-то страшном, или следует воспринимать рисунок как откровенную угрозу. Оставалось немного обождать, время – лучший советчик, ситуация должна проясниться.

Глава 5

ПРИВЕТ ОТ БЕСПАЛОГО

Взглянув на часы, Тимофей Егорович негромко чертыхнулся. Опоздал! Разминулся с Варягом всего лишь на несколько минут. А другого, более удачного случая может не представиться. Что ж, придется нанести визит старому знакомому. Вполне благоприятное время – до закрытия магазина оставалось около получаса.

Взявшись за ручку двери, Беспалый искоса огляделся и, не заметив ничего подозрительного, вошел в зал. Перевернул табличку, на обратной стороне которой было выведено крупными черными буквами «ЗАКРЫТО». Поправив чуть сползший парик, он неспешно направился к витрине.

Нацепив очки на крупный нос, Залыц вдохновенно читал книгу. Он едва взглянул на человека, перешагнувшего порог магазина, и мгновенно потерял к нему интерес. За многие годы работы за прилавком он сделался неплохим психологом и с одного взгляда мог определить потенциального клиента, а вошедший солидного впечатления не производил: мятые брюки, мешковатая куртка. Скорее всего, забрел в магазин случайно, а потому профессионального интереса не вызывал. Мало ли кто заходит в ювелирный на экскурсию? Пусть постоит немного у витрины, если нравится, а будет докучать, милиционер в шею вытолкает, на то и поставлен!

Раздался негромкий хлопок. Залыц невольно поднял голову и увидел, как со стула на пол сползал охранник.

– Ну, здравствуй, Леонид, – негромко проговорил Беспалый, переведя пистолет на ювелира.

Странное дело, но страха в глазах Залыца Беспалый не обнаружил. Скорее просматривалась какая-то философская обреченность.

– Я бы попросил тебя не делать этого, Тимоша, – предпринял Залыц вялую попытку усмирить своего гостя, – ты же знаешь, как я хорошо отношусь к тебе. И всегда так относился...

На лице Беспалого промелькнуло нечто похожее на улыбку:

– Я в этом не сомневаюсь, но мне бы хотелось знать, что ты напел обо мне Варягу?

На лице ювелира отразилось неподдельное изумление:

– Варяг?.. Ты говоришь про того самого обходительного джентльмена, что приходил ко мне до тебя?

– Ты правильно меня понял.

Залыц развел руками.

– Тимоша, ты плохо обо мне думаешь, – вяло устыдил он старого знакомого. – Неужели ты думаешь, что я мог сказать о тебе что-нибудь скверное? Ведь мы же с тобой такие друзья! – воскликнул Залыц. – Неужели ты позабыл об этом! А потом он о тебе и не спрашивал.

Плечо ювелира на мгновение поднялось, и Беспалый, решив не испытывать судьбу, выстрелил. Длинный глушитель бесшумно погасил пороховые газы. Прозвучал хлопок, словно из бутылки шампанского вылетела пробка. Вот только банкетом здесь совсем не пахло.

Из мертвой ладони ювелира на пол звонко упал «зиг-зауер». Машинка классная, но ювелиру она больше не понадобится. Беспалый поднял пистолет и удовлетворенно крякнул.

С недавних пор у него возникла потребность всматриваться в лица убиенных. Он как будто бы проверял качество выполненной работы. Не отказал себе в удовольствии и на этот раз. Взяв Залыца тремя пальцами за пордевший чуб, Тимофей приподнял его голову и посмотрел в застывшее лицо. На переносице, между глазами, смертельная кровотокающая рана. Лицо ничто не выражало, отсутствовало даже удивление. Дескать, жил себе, не тужил, и вот на тебе, такая напасть приключилась!

Беспалый никогда не прицеливался, считая подобные вещи выдумкой инструкторов. Он всегда точно знал, куда полетит пуля, достаточно было сконцентрировать свое внимание именно на этом месте, и кисть руки всякий раз совершала нужную поправку. В этот раз Беспалый выбрал ложбинку на переносице, он остался доволен исполненным выстрелом.

– Подними руки! – услышал Беспалый за спиной суровый голос.

Тимофей Егорович был настолько увлечен лицезрением мертвяка, что даже не услышал за спиной тихих шагов. Промашка вышла, однако!

– Подними руки, сучара старая, – голос прозвучал еще более враждебно, – если не хочешь, чтобы я угостил тебя свинцом в затылок.

– Хорошо, парень, – миролюбиво сказал Тимофей Беспалый, – только чего нервничать? Сделаю, как скажешь.

Его правая рука с пистолетом поползла вверх. Беспалый был уверен, что человек, стоявший у него за спиной, смотрит сейчас именно на нее, разглядывая длинный толстый глушитель. А следовательно, в запасе у Тимофея имелась пара секунд, чтобы извлечь второй ствол. Чуть повернувшись, Тимофей Егорович выстрелил из-под руки прямо на голос и понял, что пуля попала точнехонько в левую сторону груди противника. Беспалый даже представил перед выстрелом, как враг упадет спиной на витрину, расколотив ее, где и застынет.

Сотрясая помещение, ахнул выстрел, и тотчас раздался звон стекла.

Мгновение Тимофей еще выжидал, как бы опасаясь получить в спину порцию свинца, и, осознав, что эти опасения беспочвенны, развернулся.

Спасибо тебе, Залыц, старинный друг, выручила твоя игрушка. Сунув пистолет во внутренний карман куртки, Тимофей направился к выходу, даже не обернувшись на распластанное тело. Все-таки это плохая привычка – смотреть убиенным в лицо.

* * *

От непродуманных поступков Беспалый отвык уже давно. Пожалуй, с той самой минуты, как впервые взял в руки оружие. Ствол в кармане – это в первую очередь дополнительная ответственность. А потому, прежде чем входить в гостиницу, следовало сначала осмотреться пообстоятельнее.

Тимофей Егорович вооружился даже театральным биноклем и, с час понаблюдав за входом и не заметив ничего подозрительного, уверенно пошел к гостинице.

В правом кармане его старенькой просторной куртки лежал «зиг-зауер», автоматическая вещица, приятная во всех отношениях. И вряд ли кто-нибудь из прохожих, заметив старичка в поношенной одежде, заподозрит его в преступном промысле.

На это и рассчитано.

Ствол в карман куртки Беспалый положил специально. По-другому просто нельзя. В противном случае люди, с которыми он будет вести разговор, будут воспринимать его несерьезно. А этого допустить Тимофей Егорович никак не мог. Для этих людей оружие – один из атрибутов настоящего мужчины. Разумеется, пистолет отберут при входе, но останется другой, совсем крохотный, который Беспалый, по старой привычке бывшего офицера СМЕРШа, прятал за воротником. Надо признать, что эта привычка выручала его не однажды.

Гостиница «Магаданская» находилась на окраине Москвы. Место, надо признать, не самое лучшее. Но люди, обитавшие в ней, были неприхотливы – благо по соседству располагался рынок. Гостиничные номера были нужны им для того, чтобы разместить в унылых номерах многочисленный скарб. И только в небольшом пристрое, расположенном с торца гостиницы, жизнь протекала несколько иная. Это было видно по большим чистым стеклам. Здесь располагался чей-то офис.

У входа в гостиницу, посматривая на часы, стоял мужчина восточного облика, в черном строгом костюме. На Беспалого он не смотрел, что и неудивительно. На стариков, как и на детей, редко обращают внимание. Многим подобная беспечность стоила жизни.

Тимофей Егорович негромко хмыкнул и произнес:

– Мне к Азату.

Мужчина посмотрел на старика. На холеном, гладко выбритом лице его проступила смесь разочарования и легкого интереса.

– Зачем он тебе, дед?

Не ответив на вопрос, Тимофей Егорович сказал:

– Скажи ему, что подошел Беспалый.

Сунув руку в карман, мужчина вытащил миниатюрный щеголеватый сотовый телефон и быстро набрал номер.

– Беспалый подошел... Хорошо. – Улыбнувшись, он мягко добавил: – Азат тебя ждет.

Беспалый испытал нешуточное разочарование, когда его провели в холл, даже не обыскав. Однако перед дверями офиса его задержал еще один восточный человек, в точно таком же черном костюме, что и первый. Он довольно-таки умело простучал Беспалого по карманам и бокам и вытащил «зиг-зауер». На его красивом холеном лице не появилось ни намек на эмоции. Обыкновенная работа, которую он выполняет ежечасно. Когда Тимофей Егорович шагнул вперед, надеясь, что осмотр завершен, он мягко, но требовательно придержал его за руку и вытащил из-за ворота крохотный «бульдог».

Черные глаза, будто бы бездонные провалы, смотрят бесстрастно и отрешенно.

– Отдам потом, когда выйдешь, – пообещал он, сунув пистолеты в карман.

Пиджак слегка перекосялся от опущенного в карман оружия. Распахнув перед Беспалым дверь, охранник на мгновение застыл в дверях, наблюдая за тем, как старик медленно проходит на середину комнаты, и, не обнаружив ничего настораживающего, неслышно исчез.

За небольшим столом, развалившись в мягком кресле, сидел мужчина лет тридцати пяти. На цветном подносе остывала чашка кофе, на блюдечке лежали какие-то сдобы. Окна в кабинете были затемнены и наверняка бронированы. Все выполнено очень толково, со вкусом, чувствовалась рука опытного дизайнера. На приставном столе, упирившемся в стену, стояло четыре телефона. Один из них был без диска, с прямой связью, – интересно, с кем соединял хозяина кабинета этот аппарат?

Одет мужчина был безукоризненно, в темно-серый костюм, галстук в полоску, но не броский. Однако с первого взгляда видно, что из очень дорогого материала. И только заколка на галстуке, с темно-зеленым изумрудом, вызывающе посверкивала. Наверняка приколата с умыслом, чтобы отвлекать внимание собеседника. В напряженном разговоре даже такая мелочь может сыграть решающее значение. Абсолютно европейское лицо, во взгляде ничего звериного. Человек располагал к себе с первой же минуты.

Беспалый постоял у порога, ожидая, что хозяин поднимется и поздоровается с гостем. Но Азат лишь лениво махнул на соседний стул. Что ж, и на том спасибо, придется начинать с малого.

Когда Тимофей Егорович опустился на стул, хозяин кабинета негромко сказал:

– Здравствуй.

Едва заметный акцент все же выдавал в нем выходца с Кавказа.

– Здравствуй, Азат.

– С чем пришел?

Вот так! Ни больше и ни меньше, никаких пустых фраз. Впрочем, может, так оно и лучше.

– Я знаю, где можно взять около сотни миллионов долларов, – уверенно сообщил Беспалый.

На вот тебе, получи! Если уж разговор пошел откровенный. Лицо Азата оставалось беспристрастным – экая невидаль, сто миллионов долларов!

Неожиданно Азат улыбнулся:

– Я тоже знаю. В Центробанке России! Для больших денег это самое подходящее место. Ты что, предлагаешь мне штурмовать это заведение? А не щекотно?

Тимофей Беспалый постарался не обидеться:

– Не парашу толкаю, о серьезных вещах толкую... Скоро из Якутии в Гохран должны притарабанить крупную партию алмазов с башлями. Можно сорвать нехилый фарт!

Азат кривовато улыбнулся:

– Фары промой, колонны с бобами под хорошим глазом. Не говоря уже о бронированных неподъемных сейфах. Так ведь и побрить могут!

– Глаз есть, – довольно согласился Беспалый, – и не один, а оба! Заясняю, кроме бронированных сейфов колонна усиливается спецназом. Но замутить можно! Заковырка одна имеется... Перед самой Москвой колонна сделает небольшую остановку... Вот в этом месте фишки с камешками можно забрать. Мусоров в это время будет минимум, их можно будет ухлопать из одной «мухи». Палить можно с горочки, она заросла лесом да кустарником. Так что никто ничего не увидит, даже если приволочь туда гаубицу. – И, отвечая на немой вопрос Азата, добавил: – Я неплохо знаю этот район. Там когда-то размещался лагерь, в котором я пропа-рился три года!

– Откуда тебе известно про партию алмазов? Такие вещи обычно держат в строгом секрете.

Беспалый скупо улыбнулся:

– Я знаю даже больше. Эта будет уже третья партия за последние полгода. А всего их было восемь... На замке такие вещи держать трудно. – Неожиданно Тимофей Егорович погрузстнел: – Одно время колонна останавливалась на чалке моего сына... там он барствовал. Если ты парился в кичмане, то должен знать, что хозяева колоний самые информированные люди.

Азат все еще не желал верить в удачу:

– Почему же снимается часть охраны?

– Так запланировано. Охрана этого не знает. В курсе только сопровождающий, он отвечает за груз. Приедут двенадцать человек с серьезными ксивами, в которых будет указано, что они должны забрать четыре небольших ящичка. А в них крупные отборные алмазы! Эта сумма будет составлять пятнадцать процентов от всего груза.

– Это что – откат?

Беспалый кивнул:

– Можно и так понимать.

– Пятнадцать «лимонов» откат! Неплохо, – не сумел скрыть удивления Азат. – Хорошо живется некоторым. Я бы хотел знать, кому будут принадлежать камешки?

– Вора! Эту поставку контролирует сам Варяг.

Пауза затянулась. Азат не мог не знать о смотрящем и вдумчиво взвешивал соотношение сил, оценивая возможности собственного клана. На стороне Варяга была хорошо продуманная, мощная организация, и ей следовало противопоставить нечто серьезное, например, кровные узы.

Тимофей Егорович не знал, какой национальности был Азат. Что, впрочем, и неважно. Доподлинно было известно, что родом он откуда-то с Северного Кавказа, где едва ли не на каждом холме проживает какая-нибудь народность. Горцы никогда не признавали воровских законов, жили крепким землячеством и дорожили только мнением общины. Прочий мир для них существовал как бы на отдельной планете. Даже на зонах они не растворялись, а держались крепким ядром и порой составляли сильную оппозицию признанным авторитетам.

Если кто и мог бросить вызов Варягу, так только такой человек, как Азат. Но и он не мог не знать о возможностях и влиянии смотрящего по России. Рисковать следовало только за очень большой куш.

– Серьезный человек, – наконец сделал вывод Азат.

– Весьма!

– За что он получит пятнадцать кислых?

– За услуги. Алмазные прииски «крышуют» сибирские воры. Это гарантия того, что в дороге с камешками не произойдет никаких неприятностей.

– Лишает их головняка... Тогда это разумная цена, – невольно согласился джигит. – Я только одного не понимаю, какая тебе выгода от того, что алмазы окажутся у нас? – Неожиданно взгляд его сделался жестче: – Или ты рассчитываешь на джорджики, старик?

Беспалый отрицательно покачал головой и с некоторой безразличностью ответил:

– Мне ничего не надо, в брюликах я не нуждаюсь... Если все пройдет так, как я говорю, то на смотрящего повесят косяк. Коронованные таких вещей не прощают. Устроят «толковище» и посадят на вилы. – Лицо Тимофея Егоровича растянулось в блаженной улыбке: – Самое большее, на что он может рассчитывать, так это на волюну с одной маслиной.

– За что ты его ненавидишь?

Старик посуровел и слегка дрогнувшим голосом сказал:

– Он отнял у меня сына.

– Понятно... Значит, что-то вроде кровной мести. А ты молодец, не ожидал! Почему ты обратился именно ко мне? – спросил Азат.

– Я слышал о тебе много... хорошего, – усмехнулся Беспалый. Кофе давно остыл. Азат сделал маленький глоток. Тимофей Егорович продолжил: – Ты не боишься Варяга. А потом сто «лимонов» долларов – это та сумма, из-за которой стоит потягаться с законными ворами.

Азат скрестил руки на груди. Беспалый знал, что это была поза человека, уже принявшего решение. Вот только какое оно?

– Я тоже натягивал о тебе провода... Правда, что ты был вором в законе?

– Да.

– А верно, что потом ты был хозяином колонии?

Вопрос Беспалому не понравился, но отвечать полагалось начистоту. Изобразив на лице смущение, он кивнул:

– Доводилось.

– Признаюсь, мне любопытно было посмотреть на тебя. – Скупой улыбнувшись, Азат добавил: – Я не разочаровался. Что ты еще можешь мне предложить?

– Варяг держит в руках весь российский общак. Можно отщипнуть с него долю, скажем, десять процентов. Надо будет объяснить ему, что спокойная жизнь стоит этих лавэ... Чего молчишь, Азат? Или над тобой есть кто-то еще?

По лицу кавказца скользнула снисходительная улыбка.

– Я подумаю над твоими предложениями. Нужно все взвесить. Хрусты и в самом деле немалые, не хотелось бы их упускать. – Он поднялся со своего места. – И еще вот что хочу тебе сказать... С персидского языка мое имя переводится как «свободный»! Думаю, больше тебе не надо ничего объяснять.

– Я запомню это, – серьезно пообещал Тимофей Егорович.

Сделав навстречу гостю два шага, Азат крепко пожал протянутую руку.

– Но хочу предупредить тебя: если ты мне и моим людям готовишь что-нибудь... ментовское... Скажу так... у тебя возникнут очень серьезные неприятности... Махмуд, – обратился он к вошедшему горцу, – проводи нашего гостя.

Глава 6

ВОРОВСКОЕ ОЗАРЕНИЕ

Тимофей Беспалый не спешил открывать глаза. До подъема оставалось минут десять. Это точно! За последнее время у него обострилось чувство времени, теперь он мог с почти абсолютной точностью сказать, сколько времени.

Школа генерала Голицына не прошла бесследно. Несмотря на то что старик был «контрой», дело свое он знал отменно и щедро, не скупясь, передавал немалый опыт. Возможно, происходило это еще и оттого, что он чувствовал приближение смерти и хотел напоследок поделиться всем, что знал. Все-таки не чужим передавал, а своим, российским.

Поговаривали, что перед германской войной генерал Голицын два года жил среди монахов на Тибете и многое перенял у них. Во всяком случае, как-то, в качестве эксперимента, он сумел доказать, что умеет читать мысли. По его утверждению, мысли так же материальны, как и предметы, важно только почувствовать их энергетику, но для этого нужно открыть в себе третий глаз. А когда кто-то из бойцов спросил, почему бы ему не держать третий глаз открытым постоянно, генерал Голицын отвечал без затей:

– Я его закрываю, чтобы не сойти с ума от той красной ереси, что бродит в ваших головах.

Оставалось в очередной раз гадать, почему князь Голицын до сих пор на свободе? А если он все-таки не в заключении, следовательно, командование его очень ценит.

А вчера в очередной раз он сумел подивить всех бойцов. Раздевшись до пояса, Голицын велел завязать себе глаза черной тряпкой и попросил одного из курсантов медленно водить ладонями на некотором расстоянии от своего тела. Ни разу не ошибившись, генерал уверенно говорил, где именно находится ладонь курсанта и на каком расстоянии она от поверхности кожи. Затем, сорвав повязку с головы, он уверенно произнес, что через две недели тренировок каждый из них сможет выполнять подобный трюк.

Очень хотелось верить, что так оно и будет.

Не открывая глаз, Тимофей Беспалый выдвинул ящик стола и на ощупь взял несколько небольших предметов. Он положил их в ящик специально, для тренировки, по совету Голицына. Это были листы разноцветной бумаги, обломки карандашей, лоскуты тканей, вырезанные из них кружочки и квадраты.

Первый был в форме неровного круга. То, что это картонка, можно было определить без труда. Сложнее было угадать цвет предмета. Подержав круг в руках, Беспалый почувствовал, как пальцы наполняются теплом, которое затем быстро распространилось по ладони и дальше по всей руке.

Светлые цвета не умеют так греть, это точно! Скорее всего, это может быть зеленый или, в крайнем случае, синий цвет. Прислушавшись к собственным ощущениям, Беспалый, уже не колеблясь, решил, что это все-таки темно-зеленый цвет, обладающий большей энергетикой. Открыв глаза, Тимофей улыбнулся – приятно чувствовать себя правым. Затем он вытащил треугольник. Он показался Беспалому очень прохладным. Конечно же, белый цвет! Тимоша остался доволен – он не ошибся и в этот раз.

Собрав все предметы, Беспалый сунул их обратно в ящик. Пригодятся еще. До подъема оставалась ровно минута.

И в следующую секунду луженая глотка дневального известила о начале следующего дня: – Рота, подъем!

На сей раз князь опять придумал нечто новенькое. За плацем была вырыта широкая траншея, до краев заполненная мутной водой. А над водой на высоких столбах тяжелыми длинными цепями было закреплено толстое бревно.

На лице генерала появилось торжественное выражение. Окинув строй бойцов суровым взглядом, он заговорил:

– Для того чтобы хорошо стрелять в движении, нужно уметь бегать и держать равновесие. Каждый из вас будет бегать по этому бревну до тех самых пор, пока не пробежит его до конца. В одной руке нужно будет держать пистолет, а в другой – для противовеса – «лимонку». Кроме того, «лимонка» вещь серьезная, на расстоянии нескольких метров осколками выкашивает всю траву. Очень полезная вещь, чтобы остудить даже самые горячие головы. Показываю, как нужно делать.

Генерал Голицын, совершенно неожиданно для своего возраста, ловко взобрался на раскачивающееся бревно. Слегка согнув колени, удержал равновесие и, раскинув руки в стороны, уверенно побежал по бревну. Бревно все сильнее раскачивалось, пытаясь сбросить бегущего. Но генерал ловко двигался вперед, умело прогибаясь то в одну, то в другую сторону. Бревно было длинным и казалось бесконечной дорогой, конца которой невозможно достичь. Пару раз казалось, что Голицын опрокинется в холодную муть, крепко ударившись о раскачивающееся бревно, но всякий раз он ухитрялся удержаться.

Добежав до конца бревна, Петр Михайлович крепко ухватился за натянутые цепи и ловко соскочил вниз. Вблизи стало ясно, что перед строем стоит все тот же старый человек, а минутой ранее они видели на бревне всего лишь его тусклую молодую копию.

– Ясно? – торжествуя спросил он, весьма довольный собой. – А теперь повторить! – И, сунув «лимонку» первому в строю, скомандовал: – Велесов, пошел!

Не сделав и трех шагов по бревну, курсант поскользнулся, крепко ударившись о бревно промежностью, и с диким криком рухнул головой в канаву. В строю злорадно загоготали.

Два дня назад в школу с инспекцией прибыл товарищ Веселовский. Он держался подчеркнуто официально, посетил несколько занятий. Особенное впечатление на него произвел трюк, в котором боец в точности определял местонахождение врага и уход от встречной пули кувырком. Скинув с себя гимнастерку, инспектор доказал, что тоже не чужд боевому искусству. Он умело пробежался перекрестным шагом, расстреляв на ходу три банки, расставленные в отдаленье.

Вечером Беспалый постучал в его комнату.

– Входи, – хмуро кивнул Веселовский, распахнув дверь.

На нем была тельняшка, как и прежде. Казалось, что ничто не изменилось со времени их последней встречи, если не считать того, что тельник еще больше выпцвел, а на локтях виднелась крохотная заплатка. Не похоже, что он хочет поменять эту тельняшку на новую. Очевидно, с ней у него были связаны какие-то воспоминания.

Отношения между ними поменялись качественно. Теперь это уже были не начальник и подчиненный, а скорее два приятеля, связанные общим делом.

– Сегодня ты какой-то невеселый, – заметил Беспалый. – Никак не соответствуешь своей фамилии.

Веселовский сыпанул в кружку заварку, залил ее крутым кипятком.

– Тебе ведь покрепче... Я до вашей школы поездом добирался, скукота страшная! Я один в купе, как полагается. А тут бабенка объявилась, все глазками в мою сторону стреляла. Ну, я и не удержался. А только как приехали, что-то нехорошо мне стало, не то натер до такой степени, не то подхватил чего. Тоска!.. Было у меня уже однажды такое. В Гражданскую, под Питером. Мы тогда голодные были, сам понимаешь... А тут завалились в один особнячок дворянский... Ну, и отвели душу по полной программе. Мне-то досталась маман. Сначала думал, что повезло. Все-таки у нее опыт! А через пару дней с конца закапало. С тех пор я на этих дворянок смотреть не могу.

Беспалый сдержанно улыбнулся:

– А с маман кто-нибудь еще был кроме тебя?

– А то как же! – почти оскорбился Веселовский. – Я матросикам не отказывал. Что я жадный, что ли? Побаловался с девахой, дай и другим попользоваться. А потом, морячки меня бы не поняли, жлобом бы окрестили.

– Вот после одного из них ты и подцепил! – уверенно заявил Беспалый.

Веселовский поскреб затылок:

– Ты уверен?

– Конечно! Дворянки, в отличие от вашего брата-морячка, более разборчивы.

Веселовский махнул рукой:

– Ну да ладно, я уже позабыл об этом. Что там у тебя? – по-деловому спросил он.

Сделав два небольших глотка чая, Тимофей рассказал все, что видел в разрушенном соборе.

Веселовский слушал его с интересом, ни разу не перебив. Подобное с ним случалось редко, стало быть, зацепило. Когда Беспалый умолк, он еще долго молчал и тербил на рукаве тельняшки вылезшую нитку, соображая какую-то свою думку.

– Значит, ты говоришь, дверь в подвал все время была закрыта?

– Да. И замок там как будто бы старый. Весь проржавленный, а им, оказывается, пользуются.

– Как же он тебя не заметил?

Беспалый только пожал плечами:

– Сам не знаю. Голицын ведь чувствительный, как зверь! Мне иногда кажется, что у него на затылке глаза. Всегда знает, кто к нему подходит со стороны спины. Просто диву даешься, откуда он всего поднабрался.

– Значит, было откуда, – задумчиво протянул Веселовский. Беспалый догадался, что ему кое-что известно. Посмотрев хитро на Тимофея, Веселовский поинтересовался: – А ты не догадываешься, что там может быть?

– Откуда же?! – почти возмущенно воскликнул Беспалый. – Если бы я знал, так сразу тебе сообщил бы.

И по тому, как просветлело лицо Веселовского, он понял, что угадал с ответом.

– Ты чай-то пей, – кивнул Веселовский в сторону стакана. – По специальному пайку получал. – Когда Беспалый сделал очередной глоток, он заговорил, четко выделяя каждое слово: – Вот что я тебе скажу – сейчас его арестовывать никто не будет. Это ни к чему, да и вредно! Но вот когда курс подойдет к концу, ты его убереешь! Тебе понятно? Сладишь?

Пронзительные и невероятно холодные, будто бы волны Балтийского моря, глаза Веселовского остановились на лице Тимофея Беспалого.

– Если надо, сделаю, – как можно бодрее сказал Беспалый.

Голос его прозвучал уверенно, вот только правая половина лица застыла, а левая искалась болезненной ухмылкой.

Похлопав Беспалого по плечу, Веселовский неожиданно заулыбался и весело произнес:

– Я в тебе не сомневался.

Жутковатая у него получилась улыбка. Беспалому вдруг подумалось о том, что точно так же когда-нибудь Веселовский отдаст приказ и на его устранение.

– Беспалый! – услышал он голос генерала и, встретив его взгляд, уверенно сделал шаг вперед. Голицын испытующе протянул: – А ведь ты вздрогнул... Что, боец, невеселые мысли одолевают? – И, не дождавшись ответа, громко скомандовал: – На бревно!

Вытащив из кобуры «ТТ», Тимофей взял «лимонку» и уверенно направился к бревну. Сосновый ствол был подвешен на высоте шести метров, что само по себе неприятно. Высоко-

вато! Но, кроме того, нужно было пройти по нему, а бревно приходило в движение даже от легкого прикосновения.

Внизу генерал Голицын бесстрастно поучал:

– Вы всегда должны видеть реального врага. Только так вы можете пройти бревно без потерь и уничтожить противника. Нужно бежать и стрелять. И палить следует не в белый свет, а по цели! Вы всегда должны помнить, если не попадете в противника первой пулей, то ответным выстрелом он обязательно уничтожит вас! – жестко заключил генерал, наблюдая за тем, как Тимофей взбирается на бревно.

В тот день из пятидесяти человек бревно сумели преодолеть только шестеро. Покуривая «Казбек», счастливчики стояли в сторонке и с явным превосходством наблюдали за тем, как Беспалый пробирается по бревну.

«Лимонка» не только эффективное боевое средство, но, как выяснилось, и отличный противовес. Тимофей осознал это сразу, едва ступил на бревно. Бревно нервно качнулось, но совсем не для того, чтобы опрокинуть дерзкого, а лишь затем, чтобы напомнить о том, что дорога будет трудной. Но Беспалый, балансируя руками, за несколько секунд преодолел шатающееся бревно.

– Встать в строй! – приказал Голицын. – Опять отличился... – И, повернувшись к строю, скомандовал: – Следующий!

Наступления темноты в этот день Тимофей дожидался с особым нетерпением. Ну, право, как молодой любовник! А когда сумерки сменились ночью – густой и темной, будто плодородный чернозем, – Беспалый оделся и выскользнул из казармы.

Протопав метров пятьдесят, он предусмотрительно осмотрелся. Кажется, никого. Листва деревьев скрыла строевой плац, барак и бревно, по которому он, ради шика, пробежал целых десять раз. В последнем заходе Тимофей едва не сорвался, и если бы не выбросил «лимонку» в сторону предполагаемого противника, пришлось бы искупаться с головой. И вряд ли амуниция просохла бы до вечера.

Беспалый уверенно двинулся по тропе. Собор предстал перед ним неожиданно, как и в прошлый раз, темнея куполами. Немного в стороне на стоптанную траву упала световая дорожка. Нащупав в кармане отмычки, Беспалый пошел напрямик на свет.

Окно было низким, и Беспалому пришлось слегка согнуться, чтобы заглянуть в комнату. У большого зеркала, распустив волосы, стояла та же девушка, какую он встретил в прошлый раз с Голицыным. Странно, почему здесь под окном не собрались все курсанты? Посмотреть на подобное чудо отыскалось бы немало желающих – девушка была нагая и очень хороша собой.

Беспалый отошел от окна. Осмотрелся. На небе ни звезды. Оно и к лучшему, ночь выдалась настолько темной, что не видно было пальцев вытянутой руки.

Сделав шаг назад, Беспалый тут же исчез в ночи, будто в сажу окунулся. Где-то у собора, надрываясь, стрекотал сверчок. В этот час ему тоже не спалось, наверняка зазывал к себе подругу провести досуг. Подкравшись к двери, Тимофей замер. Вытащив связку отмычек, он без труда, на ощупь, отыскал нужную. Наука Голицына пригодилась и здесь, среди множества предметов он научился безошибочно определять нужный. Обладая он способностями, какие имел князь, так уже такими бы делами ворочал! А Голицын (старый дурень) все по бревнам бегает!

Замок поддался на удивление быстро, лишь негромко щелкнув язычком. Осторожно приоткрыв дверь, Тимофей заглянул в комнату. Девушка продолжала стоять перед зеркалом и бережно расчесывала густые волосы большим деревянным гребнем. Золотистые волосы, рассыпаясь, скрывали почти всю ее спину. Беспалый, не в силах оторвать глаз от ее обнаженных ног, тихо приближался. Подкрадывался он медленно и осторожно, как хищник к добыче, опасаясь, что девушка почувствует его и, подобно перепуганной птице, вспорхнет к потолку.

Вот тогда ее не достать!

Подкравшись, Беспалый вытащил из кармана нож и нажал на кнопку. Сильная пружина сработала мгновенно, выщелкнув из рукояти заточенное лезвие. Даже надев гимнастерку, Беспалый не смог вытравить из себя привычки уркача. Он никогда не расставался с пером. Так, на всякий случай...

Девушка мгновенно повернулась и застыла с гребнем в руках. Странное дело, но он не заметил в ее глазах страха, лишь один немой вопрос. Она даже не попыталась прикрыться и словно не стеснялась своей наготы, которая в данный момент выглядела особенно вызывающей.

– Вы что здесь делаете?! – нахмурившись, негромко спросила она.

Беспалый мгновенно зажал ей рот рукой и, приставив нож к горлу, с придыханием сообщил:

– Будешь жить, сучка!.. Обещаю... Если дергаться не станешь. – Дотянувшись до лампы, он уверенно прикрутил ее, обжигая пальцы. – А теперь залазь на трюмо, немного подмашешь мне. – Девушка в страхе попятилась, отступила к трюмо. – Вот так, детка, – просипел Тимофей, – только попку не отбей. Уж очень она у тебя аппетитная.

Сумрак почти скрыл ее, лица не рассмотреть, выделялись лишь глаза, огромные и влажные, как у совы.

– Осторожно... Ты меня поцарапаешь!

В голосе ни малейшего волнения.

Беспалый прислушался к собственным ощущениям. Барышня его не боялась, это уж точно. Страх различим сразу, даже в абсолютной темноте. В первую очередь это огромный выброс энергии, которая, как ни странно, ведет к параличу воли. А девушка вела себя совершенно естественно, словно речь шла о самых обыкновенных вещах.

– Не переживай, – повеселев, шепнул Беспалый. – Не поцарапаю. Не будешь дергаться, сама удовольствие получишь и мне радость доставишь.

Свободной рукой он взялся за конец ремня. Растегнул портупею, и, когда штаны упали к его ногам, он приблизился к ней вплотную и ощутил ее прохладное, гладкое тело.

– Обхвати меня ногами! – велел Беспалый, притянув девушку к себе.

Почувствовав тяжесть ее бедер, он мягко вошел в нее. Движения его становились все более энергичными и ритмичными. Девушка, слегка откинувшись, опиралась на трюмо. По ее частому прерывистому дыханию Тимофей понимал, что ей нравится их занятие. Незнакомка была влажная и теплая, как будто дожидалась его целую вечность. Не справясь с нахлынувшими чувствами, он откинул в сторону нож, который зловеще вонзился в дощатый пол, и, ухватив девушку за бедра, все неистовее тянул ее на себя, вырывая из колыхающейся груди новые сладкие вскрики. Неожиданно ее ноготки, будто бы крохотные кинжалы, впились ему в кожу, и девушка, издав громкий, протяжный крик, блаженно расслабилась. На мгновение из-за тучи вышла луна, осветив застывшее и одновременно счастливое лицо женщины. Луна тут же скрылась, погрузив комнату в еще большую темень. В этот самый момент Тимофей тоже разрядился, зарывав по-звериному. Обессиленный, он прильнул к распластанному женскому телу.

Тимофей даже не понял, что произошло. Какая-то неведомая сила скинула его с трюмо и швырнула к противоположной стене. Оглушенный, он рухнул на что-то необыкновенно гремучее, больно ударившись бедром.

Ярко вспыхнул свет. Беспалый невольно зажмурился. Открыв глаза, он обнаружил, что нелепо сидит в тазу, и увидел ствол пистолета, направленный точно ему в грудь. Девушка держала пистолет умело, обхватив рукоять обеими руками. Этот способ удержания оружия назывался треугольником. Весьма эффективен на расстоянии в четыре метра, да и держалась барышня уверенно. Она по-прежнему была обнажена, что, похоже, совершенно ее не волно-

вало. Внутри у Беспалого похолодело, он подумал о том, что она не спешит одеваться по одной лишь простой причине, – ей это ни к чему. Сейчас брызнет яркая белая вспышка, и все для него будет навсегда закончено. Глупо умирать со спущенными штанами, да еще к тому же от руки бабы. Пусть даже такой темпераментной, как эта. Можно представить, какие усмешки будут гулять на лицах бойцов, когда они обнаружат окровавленный труп своего сотоварища.

– Чем ты меня? – озадаченно спросил Беспалый, не отрывая глаз от зрачка пистолета.

– Пяткой! – сообщила женщина. – Поднимайся.

Тимофей, опираясь спиной о стену, поднялся.

– Послушай, давай договоримся, – взялся он одной рукой за штаны. – Прости... Сам не знаю, как вышло. Да и тебе ведь сладко было. Ты же, как тигрица, рычала...

– Подними руки! – приказала девушка. И, когда Тимофей поднял руки над головой, строго спросила: – Как ты здесь оказался?

Странное дело, созерцание обнаженной женщины снова возбудило его. Ему уже не было достаточно той сладости, что он заполучил несколько минут назад. Аккуратные девичьи груди вызывающе торчали и вызвали в нем все больший сексуальный аппетит. А его орган, уже было увядший, вновь победоносно воспрял. Весьма некстати!

Руки женщины уверенно опустились вниз, ствол замер как раз в области паха. Тимоха нервно проглотил слюну. Небольшое усилие пальца, и ты скопец! Но даже гнетущая реальность не умерила его желания. Он по-прежнему хотел эту женщину. Случается же такое наваждение! Теперь Беспалый понимал, что эта женщина была создана именно для него, а их встреча была предначертана свыше. Следовало убедить в этом и незнакомку.

– Я хотел тебя увидеть... Хотя бы в окно...

Тимофей замолчал.

– Продолжай! – потребовала она.

Желание не угасало – чертова фигура! Девушка выглядела совершенно безупречно, не к чему было даже придраться.

– Я видел тебя несколько раз, но не думал, что ты настолько красивая, а когда увидел тебя такой... Не удержался! Ты меня убьешь за это?

Беспалый удивился – сейчас в его голосе прозвучала обида. Это надо же! И вообще, как она может его застрелить, когда вместе они представляют собой единое целое, две половинки одного яблока. Пусть одна половинка слегка червивая, но зато другая сочная и необыкновенно сладкая.

– Как ты открыл дверь? Она была заперта! Я это помню точно!

– Я – вор... бывший, – прохрипел Беспалый, – для меня открыть такой замок – семечки! Если ты не веришь, так можешь проверить.

В глазах девушки произошла какая-то перемена. А может быть, все-таки показалось?

– Ладно, я тебя тоже помню, – наконец произнесла девушка. – Одевайся!

Левая рука девушки опустилась, теперь она держала пистолет в одной правой, но по-прежнему так же уверенно направляя его Беспалому в живот. Ни о каком соитии не могло идти и речи, уж слишком профессионально она действовала.

– Я тебя тоже видела, – произнесла она. – Это ты был около собора?

– Да. Но как ты узнала?!

– Неважно.

– Я думал, что меня никто не видит.

– Зачем ты следил за мной?

– Я забрел туда случайно.

Рука девушки нащупала халат. Набросив его на плечи, она умело затянула вокруг талии пояс.

– Ты был в подвале?

Беспалый отрицательно покачал головой:

– Нет.

Теперь он был уверен, что его не убьют. Слишком много разговоров.

Девушка сунула пистолет в карман халата. Высокая, в длинном цветастом халате, она напоминала змею, у которой только что вырвали ядовитый зуб. Собственно, теперь она казалась безобидным созданием, но опасаться ее все-таки стоило. Мало ли чего!

Беспалый улыбнулся своим шальным мыслям и предложил:

– А может, все-таки повторим? Мне казалось, что нам было хорошо.

– Значит, ты говоришь, что можешь открыть замок без ключа?

– Да, – приосанился Тимофей. – Я же вор! С малолетства любой замок открываю.

– А хочешь знать, что там, в подвале?

– И что же там может быть? – как можно безразличнее спросил Беспалый.

И тут же укорил себя за ошибку – уж слишком откровенно прозвучало в его голосе безразличие. Так не бывает. Следовало добавить немного заинтересованной интонации.

Девушка, кажется, этого не заметила.

– Там ящики... Хочешь взглянуть на их содержимое?

Беспалый пожал плечами:

– Ну, если ты предлагаешь...

– Отвернись, – вдруг приказала девушка.

– А это еще зачем? – запротестовал Беспалый. – Я отвернусь, а ты меня того... В затылок!

– Если бы я хотела тебя убить, то сделала бы это уже тысячу раз. Неужели ты этого так и не понял? Мне нужно одеться.

Губы Беспалого растянулись в добродушной улыбке.

– Так мы же уже... того... познакомились. А потом, мне казалось, что будет продолжение.

– Отвернись, сказала! – На этот раз ее голос прозвучал значительно требовательнее.

Снова пожав плечами, Беспалый отвернулся, чутко прислушиваясь. За спиной слышался шорох одежды и ни одногостораживающего звука. Похоже, что она его не обманывала. А может, все-таки чего-то прятала?

– Повернись. Тебя как зовут?

– Тимофей. А тебя?

– Зови Нина. Ты чего улыбаешься?

– Какое-то странное у нас знакомство получается. Сначала перепихнулись, а потом узнали, как звать друг друга.

– У меня такое впервые.

– У меня тоже, – неохотно признался Тимофей.

– В жизни и не такое бывает.

Беспалый невольно скривился:

– Уж мне-то об этом не нужно говорить.

Теперь на Нине было черное платье, неброское, скромное. Но она была из той породы девиц, что даже половая тряпка смотрелась бы на ней не хуже бального наряда. Волосы уложены и туго повязаны платком.

– Пошли, – сказала она, направляясь к двери.

– Куда? – недоуменно спросил Беспалый, посмотрев на девушку.

– Ты же хотел знать, что там, в подвале, так давай посмотрим.

Интуиция умерла. Собственно, в присутствии Нины атрофировались все его чувства. Он ощущал себя чурбаном, напрочь лишенным каких бы то ни было желаний, с полнейшим отсутствием всяких эмоций. Теперь он был всего лишь инструмент, предоставленный в распоряжение хорошенькой женщины. Следовало бы сказать «нет», но сил на это не находилось. «А может быть, это гипноз?» – смутно предположил Беспалый.

И тут Тимофея осенило: если она дочь Голицына, то, возможно, прошла такую же серьезную школу и владеет куда большими возможностями, нежели он сам. Не исключено, что девица просто заблокировала его сознание и сумела навязать свою волю. А чтобы скинуть этот тяжелый хомут, у него не было сил. Чего грешить, не было и желания на подобные действия.

– Пойдем, – не сразу согласился Беспалый.

– А знаешь, я ведь тебя тоже сразу заметила, – призналась Нина, когда они вышли из дома.

– Неужели? – не поверил Тимофей, разглядывая девушку.

В темноте черты ее лица выглядели слегка размазанными, и потому она виделась немного таинственной. Хотя Тимофей понимал, что это не так, – всю свою загадочность она оставила на трюмо!

– Ты выглядел как-то независимо, что ли, – сказала девушка.

Дорогу не разглядеть, темнота. Оступившись, Тимофей слегка задел рукой грудь девушки и почувствовал, как по телу пробежал ток. Еще не надержался! Ничего, будет время поэкспериментировать. Все-таки в этой чертовке была какая-то притягательная сила, надо это признать.

Девушка превосходно ориентировалась в темноте, уверенно обходила препятствия. Создавалось впечатление, что для нее не было разницы между днем и ночью. Она повернулась лишь однажды, когда он, спускаясь следом за ней в подвал, зацепил ногой какой-то предмет, который, скатившись по ступеням, мягко плюхнулся на кучу мусора.

Лица Нины он не рассмотрел, но почувствовал, что она осталась недовольна. Хотя кто тут может услышать их кроме шмыгающих крыс. Даже если бы он попытался заорать во весь голос, то каменная кладка в полтора метра толщиной надежно приглушила бы любой звук. Странно, что эта женщина совершенно его не боялась.

Спустившись в подвал, Беспалый увидел, что он был необычайно глубок. Здесь, в крошечной темноте, свеча, казалось, полыхала факелом, освещая каждый потаенный уголок. Помещение выглядело просторным и пустым, если не считать небольшого и, по всей видимости, старинного сундука, стоящего в углу. Взгляд Тимофея невольно упал на его кованую крышку с узорчатыми вензелями по углам.

Пламя свечи колыхнулось, и огромная угловатая тень от сундука опрокинулась сначала на стену, после чего резво метнулась в сторону двери – Нина сделала несмелый шаг.

– Ты сумеешь открыть этот сундук? – спросила она, повернувшись.

В полумраке черты ее лица выглядели необычайно резко, на щеки глубокими провалами упали тени. Сейчас она выглядела значительно старше своих лет, и только молодой голос, звонкий, как натянутая струна, говорил о том, что она необыкновенно свежа.

Всмотревшись в ее лицо, Беспалый невольно удивился тому, как она здорово напоминает Ольгу, его первую и давнюю любовь. Такое впечатление, что она явилась в этот подвал для того, чтобы передать ему привет с того света. Беспалый невольно поежился, – кажется, ей это удалось.

Тимофей подошел поближе к сундуку, согнулся и, посмотрев на замочную скважину, уверенно обронил:

– Сумею.

Беспалому и раньше приходилось слышать о том, что золото обладает сильнейшей энергетикой. Нечто подобное он испытывал не однажды и сам, когда залезал в карман зазевавшегося фраера, – откуда-то вдруг бралась уверенность, что в солидном лопатнике найдется местечко для пары золотых вещиц. И он несколько не удивлялся, когда его ожидания оправдывались. Подобный факт он объяснял не иначе как чутьем и покровительством воровского святого. Но Тимофей не однажды становился свидетелем и более удивительных вещей.

Еще на заре своей воровской карьеры ему несколько раз посчастливилось ходить на дело с двадцатипятилетним уркачом, которого все звали Алтын, по-татарски – «золото». Познакомившись с методом работы Алтына, Тимофей понял, насколько точным было это погоняло. Особенность работы Алтына заключалась в том, что он никогда не ходил на дело с отмычкой или фомкой, для этого существовали другие. Главная его обязанность заключалась в том, чтобы отыскать золото, что он и проделывал весьма успешно. Порой казалось, что Алтын способен видеть даже сквозь стены.

Первое, что он делал, когда входил в комнату, так это брал стул, ставил его в середину комнаты и, закрыв глаза, вводил себя в транс. В эти минуты окружающие переставали для него существовать, он не видел и не слышал их. Но уркачи, из уважения к его необыкновенному таланту и из опасения спугнуть удачу, все равно помалкивали, расположившись в сторонке. С отстраненным видом и с закрытыми глазами, слегка раскачивающийся из стороны в сторону, Алтын казался Моцартом воровского мира. И как чудо воспринимался тот факт, когда он достоверно указывал местонахождение «желтухи». Воры не помнили случая, чтобы он ошибся хотя бы однажды. А потому и «грели» его, как могли, и оберегали крепче самого хрупкого воровского инструмента.

Алтын и сам не мог объяснить, как у него получалось подобное. Пытался рассказать, что-то говорил несуразное: дескать, запах у рыжьи особенный! И попробуй, растолкуй ему, что деньги не пахнут.

Сейчас Тимофей отчетливо осознал, что испытывает нечто подобное. Беспалый мог даже сказать, сколько в сундуке денег и в каких они купюрах. Было и золото, правда, немного, так, какие-то побрякушки, которые можно купить на рынке, но, кроме того, на дне сундука лежало что-то несоизмеримо ценное, и у Тимофея от присутствия большой удачи невольно перехватило горло.

Глава 7

ОСКАЛ ЗВЕРЯ

Если первым письмом Варяг пренебрег, не раздумывая, швырнув его в корзину, то ко второму отнесся более внимательно. Это письмо от первого отличалось существенно, нет, не содержанием – текстового послания не было по-прежнему, – а рисунком. Волк был нарисован с особой тщательностью, не опускалось ни малейшей детали, было заметно, что человек, нарисовавший зверя, был силен не только в графике, но еще превосходно разбирался в повадках волков.

В отличие от первого рисунка зверь не выглядел безмятежным. Даже наоборот, в наклоне головы, в широко расставленных лапах ощущалась скрытая агрессия. Вот, кажется, протяни руку, и он цапнет тебя за пальцы прямо с белого листка бумаги.

Варяг взял рисунок. Его заинтересовали глаза зверя, слегка обведенные красным карандашом. Создавалось впечатление, что они смотрели в самую душу.

Второй рисунок следовало воспринимать как предостережение. Вот только оставалось выяснить, от кого оно исходит.

Небрежно бросив рисунок на стол, Владислав повернулся к Тарантулу.

– Какие твои соображения?

Друщиц уже не однажды самым тщательным образом изучил рисунок. Он помнил его в малейших деталях. Но сейчас, следуя моменту, он взял листок в руки и вынес вердикт:

– Кто-то нас пытается нагрузить. Первый рисунок был просто предупреждением, а сейчас опасность реальна.

Варяг улыбнулся:

– А может, все-таки порожняк?

– Не думаю, – покачал головой Тарантул. – У меня есть кое-какая задумка. Надо все проверить!

– Что ты имеешь в виду?

– Могу только сказать, что у некоторых горцев на Северном Кавказе волк является очень почитаемым животным. Символ свободолюбия и силы. Некоторые народы считают, что они произошли именно от волков.

– Чеченцы? – спросил Варяг.

– И они тоже. Но пока ничего не могу сказать, нужно время. Проверяем! Есть кое-какие предположения. Среди горцев имеются наши люди. За последние полгода четверо из них стали ворами. Они сумели сохранить хорошие отношения с соплеменниками и пользуются авторитетом у коронованных. Надо послушать, что они скажут.

– Мне кажется, что скоро придет еще одна малявка. Они же должны шепнуть нам, чего же они хотят!

Тарантул охотно кивнул:

– На психику давят. Страсти нагнетают. К этой ксиве не хватает еще парочки отрезанных ушей.

Варяг не стал говорить Константину о всех тех сомнениях, что одолевали его в связи с Беспалым. Горцы – горцами, и если они начали задирать хвост, то у смотрящего по России достаточно сил, чтобы проучить их, да так, что не только их дети, но и внуки будут вспоминать об этом с дрожью.

Беспалый – этот волк-одиночка, пожалуй, будет поопасней. Он непредсказуем, обладает звериной интуицией, запредельными боевыми навыками. Этот, если уж надумает вцепиться в глотку, будет идти до конца. Варяг знал, почему Тимофей Беспалый воспылил к нему такой лютой ненавистью. В свою последнюю ходку Варяг чалился на Магадане. Кичей, где он

парился, заправлял сын Беспалого – Александр Тимофеевич Беспалый. С ним у Варяга как-то не сложилось, кто-то из них должен был уступить. У кума не получилось сломить волю Варяга. И тогда он попросил своего отца убить Варяга, когда тот сорвется в побег. Это была тщательно продуманная и спланированная операция. Но у Беспалых ничего не вышло: Варяг ушел целым и невредимым. А вот кума-беспредельщика надо было убрать. Александра Тимофеевича по приказу Варяга ликвидировали. И сделали это так, чтобы другим начальникам было неповадно обижать эзков.

И вот поди ж ты! Казалось, какие там у старика Беспалого, пролившего реки крови, могут быть отцовские чувства? Но заело старого волчару. Не иначе как от старости сбрендил – надумал мстить за сына. И кому? Смотрящему по России! Смешно.

Смешно-то смешно, а вот хлопот этот волчара-шатун может доставить немало. Может, зря Варяг затеял с ним рискованную игру? Найти и убрать? Или же все-таки продолжить?

Варяг так и не нашел пока ответа на эти вопросы.

* * *

Уже пошел седьмой день, как Варяг покинул прежнее место своего проживания. Теперь он обитал на восточной окраине Москвы и, как ему показалось, сумел затеряться среди унылых типовых строений. Во всяком случае, первые четыре дня они провели вполне безмятежно, но вот пятый доставил некоторые беспокойства, и причиной тому были два кавказца с какой-то девкой, трижды забредшие во двор. Беда была не в том, что они крутились в этом районе (случается всякое, не исключено, что в этом районе проживали их знакомые), но один из них как бы случайно пристально поглядывал на окна, за которыми находилась берлога Варяга. Взгляд у него был изучающий, такое впечатление, что они собирались штурмовать двадцатиметровую высоту. Самое скверное заключалось в том, что подобное могло случиться в действительности.

Кавказцев отловили. Отвезли на запасную хату и долго, очень вдумчиво, проводили с ними обстоятельную беседу. Тарантул в этих делах был большой специалист. По их заверениям, они вполне мирные работники торгова, ничего не знают, не ведают. Во всяком случае, держалась троица стойко, не каждый способен соблюдать самообладание, когда над ухом бухают из пистолета. Разговор проходил без выкручивания пальцев, без иголок под ногтями и прочих зверств. У Тарантула даже появилось намерение отпустить их восвояси, пока он не велел им раздеться. У одного из них на правой груди был выколот волк. И стоял он точно в такой же позе, как и в первом послании, – опершись передними лапами на небольшое возвышение, он задрал крупную голову и что-то голосил на своем волчьем языке.

Выбирать не приходилось. Обоих придушили здесь же на квартире, стараясь не оставить следов на теле. После чего включили газ, положив придушенных, но еще живых кавказцев на кровати, и двинули восвояси.

Хата была безнадежно засвечена. Но по-другому поступить было невозможно, – не тащить же парочку жмуrow через весь город! Через несколько часов соседи наверняка почувствуют запах газа и сообщат куда следует. Милиция, взломав дверь, обнаружит обыкновенную картину, какую можно встретить в любом конце Москвы, – парочку наркоманов, почивших под грязным одеялом. Благо на их пристрастие указывают шприцы, разбросанные по всему полу.

На подобные представления Тарантул был большой мастер. Он даже сумел накачать в легкие каждому из них газа. При надобности можно было бы срежиссировать еще и полуголую девицу. Тоже опробованный вариант. Невольно напрашивается нехитрый вывод: привели девочку, чтобы похороводить втроем, после чего друженько поширились да тихо себе уснули под струящийся газ.

Но потом, поразмыслив, он решил, что это будет явный перебор. Дело не стоит того. Да и жаль было прибившуюся к кавказцам простячку. Пусть лучше девочка дарит людям радость!

Об этом инциденте Тарантул решил пока не докладывать, считая появление кавказцев делом неясным. Появится еще кто-нибудь, придется взяться за все это всерьез. А сейчас достаточно будет пробить их через своих людей.

На всякий случай Тарантул выставил дополнительных наблюдателей, расположившихся в киосках по обе стороны от дома. В них сидели молодые, внешне неброские парни, которых местная шпана тут же плотно обложила посильным оброком. Чтобы не засвечивать берлогу, Тарантул велел не перечить им. И самоутверждающийся молодняк, небрежно цедя слюну через щербины в зубах, требовал у «крышуемых» блоки с сигаретами. Тарантул с улыбкой думал о том, какие удивленные физиономии были бы у бычар, если бы они узнали о том, кого осмелились обложить данью. Что ж, пускай ребятаки покуражатся, им ведь расти надо!

Пацаны даже не подозревали, что все киоски и магазины в округе платят смотрящему этого района обговоренный откат. После чего наличку в двух брезентовых мешках, очень напоминающих инкассаторские, тот переправляет в российский общак, Варягу. Наверняка Владислав расхохотался бы, если бы узнал, что его охрану обложили рэкетом восемнадцатилетние чиграши. Анекдотичность ситуации заключалась еще и в том, что все они составляли пехоту Варяга. И если бы ему потребовалось в течение часа поставить под ружье человек пятьсот, то они явились бы на стрелку одними из первых.

– Узнал, кто завалил ребят в ювелирном магазине? – спросил Варяг.

Вроде бы вопрос был задан самым обыкновенным тоном, безо всякого нажима. В интонации прозвучала даже сочувствующая нотка. Дескать, вот какими неприятными вещами приходится тебе заниматься, и возможно, Тарантул поверил бы в это участие, если бы не твердый взгляд вора, от которого хотелось поежиться, как от морозного стылого ветра. Но Тарантул сумел сдержаться.

– Это был Беспалый! – уверенно доложил начальник охраны. – Начинает понемногу устранять свидетелей.

– Откуда такие данные?

– Когда Беспалый выходил из магазина, то столкнулся с двумя женщинами, которые сумели его рассмотреть. Этими женщинами заинтересовалась милиция, их допросили. Протоколы допроса попали ко мне. По описанию и приметам это именно он. Одна из них даже обратила внимание на то, что у выходившего из магазина старика отсутствовал палец.

– Глазастая, – согласился Варяг. – Менты взяли его на заметку?

Тарантул на мгновение задумался, после чего уверенно сообщил:

– Похоже, что нет. Иначе бы я об этом знал. Для них вообще это дело представляется мутным... На разбой не похоже. Кто-то завалил ювелира, а деньгами и ценностями пренебрег. Они сейчас разрабатывают другой вариант.

– Какой же?

– Залыц был очень пылкой натурой. Любовниц у него было не меньше, чем драгоценных камней на прилавке. Легавые считают, что его уделал какой-то рогоносец. Залыц был мужчина со вкусом, предпочитал красивых и молоденьких. Двадцатипятилетние девушки для него уже были перестарками.

На столе Варяга стояла фотография, с которой, улыбаясь, смотрела красивая молодая женщина с грудным младенцем. Тарантул знал, что это его жена с сыном. Варяг предпочитал не расставаться с этим снимком и когда уезжал, то бережно укладывал фотографию. Фотография была одним из главных его сокровищ, собственно, все, что осталось после гибели семьи. Случись пожар, так первое, что Варяг сделал бы, так это принялся бы спасать фотографию в простенькой березовой рамочке. Единственное, что не нравилось Тарантулу, так это взор, которым Варяг созерцал фотографию. Обычно таким застывшим холодным взглядом люди смотрят на могильный холмик своих любимых – уже ничего не исправить, ни прощения попросить. Все в прошлом!

Выждав паузу, Тарантул продолжил:

– Может быть, подбросить им информацию? Пускай потрудятся, поищут. Вместе как-то веселее, авось что-нибудь да выплывет.

Варяг оторвал взгляд от фотографии и жестко произнес:

– Не надо! Не люблю ходить с ментами по одним и тем же тропам.

Тарантула всегда удивляла способность Варяга мгновенно перестраиваться. Стоило ему лишь оторвать взгляд от стола, и он выглядел уже совершенно другим человеком – собранным, деятельным. И где-то далеко, в туманной дымке, остался могильный холмик.

Тарантул понимающе кивнул:

– Хорошо.

– Ты не задавался вопросом, почему Беспалый все время находится где-то рядом? Если это случилось однажды, то я могу допустить, что произошла случайность. Но когда это случается во второй раз, то это наводит на нехорошие размышления.

Этого вопроса Тарантул опасался больше всего. Но был благодарен Варягу за то, что вопрос задан был в форме дружеского участия. Владислав умел быть тактичным.

– Ты намекаешь на утечку информации?

– Да.

– Это не охрана! Все мои люди проверены неоднократно. На каждого из них заведено досье. Я знаю о каждом их шаге. Никто из них даже не подозревает, кого охраняет. Для них ты обыкновенный бизнесмен... Скажем так, может, немного чудаковатый и который постоянно скрывается от мстительного компаньона. – Владислав невольно поморщился. Тарантул старался не замечать неудовольствия законного вора. То, что касается охраны, это не в компетенции смотрящего, и пускай смиритесь с этим. – Более того, я всячески стараюсь поддерживать эту легенду. Охрану я периодически обновляю.

– Смысл?

– Человек привыкает на одном месте, расслабляется. Диалектика! Бывает, заедается, в нашем деле это ведет к потере бдительности.

– Куда потом девается охрана?

Варяг поднялся, посмотрел в окно. Внизу – двор, да вот еще четыре старушки. Совершенно безобидные создания.

Начальник охраны неопределенно ответил:

– Кто куда... Ребята профессиональные и, как правило, устраиваются. Продолжают работать в охране частных фирм. В общем, не бедствуют.

Неожиданно к старушкам подошел какой-то пожилой человек. Минуты три он стоял в окружении дам и что-то усердно им втолковывал, а потом, безнадежно махнув рукой, отошел в сторону. Похоже, что у дедули вечер обломился. Сейчас пойдет в ближайшую рюмочную заливать душевную тоску.

Развернувшись, Варяг отошел от окна:

– Как Лиза?

За то время, пока Тарантул находился рядом с Варягом, у того было, по крайней мере, с пяток «Лиз». С одной из них он познакомился в баре. Еще двух, помнится, увидел на обложке модного журнала полуобнаженными и распорядился доставить к нему. Тарантулу пришлось заниматься этой деликатной просьбой лично. Уговаривать девушек пришлось недолго, за ту сумму, какую Владислав выплатил барышням, могла бы отдаться даже английская принцесса. А они были лимитчицы, прорывающиеся в Москву в поисках лучшей доли. Еще с одной Лизой, кажется, уже шестой по счету, Варяг познакомился на Минском шоссе, рассмотрев ее из окошка лобастого «Мерседеса». Коронованный, невзирая на запреты телохранителей, вышел из машины и долго шел рядом с девушкой. Всю дорогу он что-то нашептывал ей в ухо. А бдительная охрана, слегка поотстав, топала за ними.

Подобное поведение можно было воспринимать как чудачество патрона. Достаточно ему было щелкнуть пальцами, как охрана втащила бы красавицу в салон автомобиля.

Девушка держалась строго, и у охраны, что волочилась следом, не было никаких сомнений в бесперспективности подобного ухаживания. Но уже через десять минут стало ясно, что они ошибались. Было неведомо, что именно Владислав шептал на ухо красавице, но скоро она начала весело заливаться на каждое его слово. А потом и вовсе изъявила желание последовать за Владиславом.

Вот тебе и родительские заповеди!

Случайная встреча затянулась на целых восемь месяцев и, похоже, готова была перерасти в нечто серьезное. Но, видно, обоюдное благоразумие развело их в стороны, и каждый пошел по предназначенному ему пути.

Но Тарантул слишком давно находился рядом с Варягом, чтобы не понять истины – тот сторонился серьезных отношений. Во всяком случае, в настоящее время. Следовательно, сейчас его беспокоила судьба дочери, которую тоже звали Лиза и которая после смерти Вики находилась у няни. Варягу стоило немалого труда, чтобы разыскать ее, не меньше усилий ушло на то, чтобы убедить няню, что отныне в ее доме будут проживать посторонние мужчины.

Это называлось охраной.

Поначалу он предложил няне дом побольше, но, почувствовав упорное сопротивление, безнадежно махнул рукой. Пусть решает по-своему, главное, чтобы дочь была в безопасности.

Варяг скоро подружился с дочерью, что и неудивительно. Он вообще умел нравиться женщинам, и уж, конечно, покорить собственную дочь для него не составило больших проблем. Варяг, у которого отсутствовал всякий опыт в общении с маленькими дамами, совершенно неожиданно для себя прикипел к девочке всей душой. Он выбирал окошки в плотном рабочем графике, чтобы заглянуть к дочурке хотя бы на полчаса. Девочка всегда ждала его с нетерпением, и это было приятно. А однажды он вдруг признался Тарантулу, что, оказывается, сам того не сознавая, всегда хотел именно девочку. При общении с ней не стыдно проявить нежность и даже слабость. Девочку невозможно заласкать, наоборот, любое доброе слово пойдет ей только на благо. А потому всю нерастрченную нежность, без боязни нанести чадку вред, можно отдать малышке.

Все-таки девочка – это прекрасно!

– С Лизой все в порядке, – заверил Тарантул, – с ней все время находятся наши люди.

– Няня не изъявила желания переехать в больший дом?

– Нет, говорит, что она там затеряется. Ребята возвели вокруг их дома кирпичный забор. Строят флигелек для охраны. Через пару недель будет готов. Так что все путем.

Варяг вновь сел за стол.

– Я вот что хотел спросить... Многие знают, что Лиза находится в этом доме?

– Не без того. Такова специфика. – Вопрос Константину не понравился, под ложечкой невольно заскребло. Он постарался выглядеть спокойным, но получалось это скверно, и голос зазвенел, как перетянутая струна. Еще пару подобных вопросиков, и он может сорваться на хрипотцу. – Ребята несут службу в три смены, общаются между собой... Но никто из них не знает, что Лиза – твоя дочь.

– Хотелось бы в это верить, – задумчиво протянул Владислав. – Ты знаешь, меня редко подводит интуиция. Может, потому, что я долгое время провел на зоне... Так вот, мне кажется, что Беспалый должен появиться там. И искать он меня будет именно через дочь! Сделай так, чтобы ее никто не нашел.

– Хорошо, – кивнул Тарантул, – завтра же... Нет, сегодня же мы переведем ее на новое место.

– Что по Беспалому?

– Работаем... Дали на него наводку. Вышли на его сослуживцев. Но, как выясняется, с ними он уже давно потерял всякую связь. Работает в одиночку. Видно, он так привык.

– Следите за этой княгиней. Мне кажется, что с ней тоже не все так просто. Если Беспальный там появился один раз, то появится и еще.

Тарантул кивнул:

– За домом наблюдают.

– Что там с Максом? – поинтересовался Варяг.

– Идет на поправку, скоро приступит к работе, – доложил Тарантул.

– Хорошо, – кивнул Варяг. – Тут вот еще что...

Варяг положил на стол небольшой конверт, который был запаян в плотный пластиковый чехол и прошит суровыми нитками. Совсем не лишняя предосторожность: найдется немало желающих ознакомиться с его содержимым, и в первую очередь опера из кичи. Это для заключенных носитель малявы человек неприкосновенный, а для цириков он всего лишь один из арестантов, которого можно не только обшмонать со всем прилежанием, но и при надобности прощупать задницу шомполом.

– Эту маляву передашь в пермскую колонию. Там на киче сменился барин, все провода оборвал. Бродяги на подсосе сидят. На словах передай, что пускай не унывают, со дня на день придет грев.

– Хорошо, – бережно взял Тарантул конверт.

– Нужен надежный человек.

– Найдем, – уверенно кивнул Тарантул.

– И еще вот что, если курьер сядет на вилы, пусть ксиву схавает, – жестко приказал Владислав. – Она не для чужих глаз!

– Накажу, – пообещал Тарантул.

Глава 8

ВСТРЕЧА С АГЕНТОМ

Беспалый всегда чутко прислушивался к собственным ощущениям, привык доверять им всецело. И, надо признать, подобная привычка его не подводила. В этот раз ему захотелось увидеть Нину Голицыну. Поначалу Тимофей Егорович воспринял подобное желание как некоторую блажь, но когда сознание стало все чаще заполняться образами пятидесятилетней давности, он понял, что это серьезно, и решил уступить.

Совсем не обязательно навещать в гости к княгине, вполне достаточно будет посмотреть на нее издали. А дальше потревоженные чувства улягутся сами собой, и он заживет по-прежнему.

В последние пять лет Беспалый приходил к ее дому трижды, всякий раз гримируясь до неузнаваемости. Впрочем, даже и без этого вряд ли Нина Петровна способна была узнать в нынешнем ветхом старике прежнего доброго молодца.

В этот день Тимофею Беспалому и впрямь везло. Едва он сошел с автобуса, как увидел Нину Голицыну, которая быстрым шагом шла по улице, высоко подняв голову. Эту встречу Беспалый посчитал весьма неплохим знаком судьбы. Интуиция его не подвела. Фигура княгини почти не претерпела изменений – стройна, высока, вот только груди заметно поувяли, но то возрастное, пенять не приходится. А вот лицо, конечно, высохло и очень напоминало печеное яблоко. Оглянешься на такую, и невольно передернешь плечами. Удивляться не стоит, возраст и не такую красоту превращает в труху. Но правильные черты лица сохранились, а в них-то и оставалась прежняя Нина Голицына.

Тимофей шел по другой стороне улицы и старался не попадаться бывшей возлюбленной на глаза. Странное дело, в городе княгиню все знали и едва ли не за версту высказывали почтение. У собора Нину Петровну остановил какой-то пожилой мужчина, и долгое время они о чем-то оживленно разговаривали. Внутри у Тимофея Беспалого что-то неприятно шевельнулось, он даже не сразу осознал, что это был укол ревности. Однако! И так, оказывается, бывает. Столько лет не общались, а стоило ее увидеть, как кровушка потекла быстрее.

Видно, почувствовав чье-то внимание, княгиня обернулась и, скользнув по фигуре Беспалого невидящим взглядом, обратилась к собеседнику с каким-то вопросом. Не узнала! Неприятный холодок заморозил печень.

Постояв несколько минут, Беспалый повернул к автобусной остановке. Теперь ему казалось, что за ним кто-то наблюдает. Такие вещи он чувствовал сразу, слишком сильна биоэнергетика человека, сосредоточенного на слежке. Тимофей Егорович попытался уловить источник излучения. Не получилось, слишком велико было расстояние. Обернувшись, он попытался рассмотреть, кто же маячит у него за спиной. Никого, если не считать сгорбленной бабульки с авоськой в руках. Но она уж точно не в счет! А может, все-таки показалось?

Скоро подошел автобус. Позабыв про недавние сомнения, Тимофей Егорович вошел в него и успокоился только тогда, когда занял свободное место у окна. Вокруг не было никого, кто мог бы хотя бы отдаленно напоминать филера. Одни старики, обремененные непосильными сумками. Что-то на старости лет нервишки стали сдавать.

Следовало немного отдохнуть в каком-нибудь тихом кафе и подготовиться к встрече, которая уже была назначена.

* * *

Встреча была назначена в семь часов вечера в небольшом скверике на Таганке. Преимущество выбранного места заключалось в том, что прохожих совершенно не было видно, чему способствовала двухметровая стена густо разросшихся кустов барбариса. Идеальное место для разного рода конспиративных встреч. Интересно, а ФСБ знает об этом заповедном уголке? Приятно думать, что оно пребывает в наивном неведении.

Рядом со сквером располагалась автобусная остановка – небольшой павильончик, в котором можно было обождать свой автобус и спрятаться от ненастья. Осмотревшись, Беспалый направился напрямик под навес и смешался со стоящими там людьми. Даже лицо у него теперь было сосредоточенно выжидательным, именно таким, как у людей, привыкших пользоваться общественным транспортом. Как бы невзначай он раза два посмотрел в сторону сквера. Там прогуливалась молодая пара, обоим лет по двадцать, не больше. Они никак не тянули на корифеев сыска. Немного позади двигалась дама преклонных лет – выгуливала порыжевшую болонку. Худший вариант отпадает – в силу своего немолодого возраста старушку вряд ли можно было бы заподозрить в подвохе, ей пристало уже о душе подумать, так сказать, о вечном.

В общем, ничего настораживающего.

Подождал автобус. Толпа ожидающих возбужденно зашевелилась, напоминая потревоженный муравейник. Двери с громким шипением открылись, и повеселевшие пассажиры, несильно подталкивая друг друга в спины, быстро рассосались по салону. Тимофей остался в одиночестве. Немного подождав, он направился к скверу. Старушка с болонкой отошла уже далеко. Молодые люди, увлеченные друг другом, скрылись в переулке, а немногочисленные прохожие проскакивали мимо сквера, даже не взглянув в сторону старика. Им было не до него.

Никто не хватал Беспалого за руки, не дышал ему в спину. Все было спокойно. Буднично, в общем. Сунув руку в карман, Тимофей Егорович нащупал рукоять «нагана». Так он поступал всегда, когда хотел успокоиться. Былая уверенность возвращалась к нему, сейчас он чувствовал себя защищенным.

На скамейке недалеко от входа он заметил молодого мужчину со стриженным затылком. Весьма приметная цель! Не захочешь – выстрелишь. Прочь искушения! Беспалый направился именно к нему. Он негромко кашлянул, и человек, сидящий на скамейке, слегка вздрогнул.

– Хочу заметить, молодой человек, что никогда не следует садиться спиной к выходу, – произнес Тимофей Егорович, устраиваясь рядом.

На лице сидящего промелькнуло нечто вроде смущения. Но через секунду он уже собрался и уверенно ответил:

– Это едва ли не единственный случай, когда я повернулся спиной. Сегодня была отвратительная ночь, я просто устал и решил немного вздремнуть. Не люблю, когда меня рассматривают спящего.

Беспалый скупой улыбнулся:

– Значит, любите поспать, милейший. Боюсь, что эта привычка может когда-нибудь дорого вам обойтись.

Скверик был приятен своей тишиной и прохладой, но особенно отрадно было то, что был безлюден.

Лицо молодого человека скривилось злой улыбкой:

– Я это учту.

– Так что вы мне можете предложить?

– Мне трудно сказать, где он будет на следующей неделе. Варяг – человек очень закрытый. Насколько мне известно, у него нет слабых мест.

Тимофей Егорович зашелся в беззвучном смехе. Но на веселье это не походило, глаза у него оставались колючими, все подмечающими. Даже сидел он на самом краешке скамейки, чтобы в любой момент можно было подняться, а взгляд по-прежнему оставался блуждающе-изучающим и не переставал наблюдать за входом.

Смех оборвался неожиданно, тонкие морщинистые губы сложились в жесткую усмешку.

– Вы мало еще жили, молодой человек, чтобы так говорить. Хочу сказать вам, что абсолютно сильных людей не бывает. Во всяком случае, я таких не встречал, а я знаю, что говорю... Обязательно у каждого находятся какие-нибудь слабые места. Мне приходилось встречать людей, которые способны были выдерживать любую физическую боль, но они мгновенно ломались, как только узнавали, что может случиться большая неприятность с их близкими. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Да. У него есть дочь.

– Это уже кое-что. – В голосе Беспалого послышался интерес. – Где она живет?

– Ее местонахождение Варяг держит в глубокой тайне. Пока ничего сказать не могу.

Тимофей открыл портфель. Он был старомодный, из темно-желтой потертой кожи. Именно такие портфели прежде носили с собой ответственные работники, наверняка его нутро помнило немало важных бумаг.

Удобство портфеля заключалось в том, что он имел огромное количество отсеков, в которых всегда, даже при полнейшей укомплектованности, оставалось место для ствола. «Браунинг» лежал в середине, спрятанный между двумя листами плотной бумаги. Всегда полезно иметь при себе пару стволов. Жизнь так сложна и непредсказуема.

Взглянув на соседа, Беспалый добродушно улыбнулся, сунул руку в портфель. Пальцы уверенно легли на рукоять «браунинга». Отдыхай спокойно, друг, сейчас твоя помощь не нужна. Отыщется еще для тебя работенка.

Рядом с пистолетом лежала пачка долларов. Вытащив ее, он небрежно, держа двумя пальцами за краешек, положил деньги на скамейку.

– Здесь тебе за прошлые труды... И небольшой аванс на будущее. Я должен знать, где находится девочка.

Молодой человек охотно кивнул:

– Договорились.

Но вот деньги брать не спешил. Помедлив, он вяло потянулся за пачкой долларов, как если бы совершал несказанное одолжение, забирая их. А вот глазки-то выдали с головой – блеснули алчным огнем, в котором отчетливо просматривались и развеселые кабаки, и грудастые девки.

Деньги были взяты, и теперь Беспалый с полным правом мог задавать следующий вопрос:

– Когда я получу информацию?

Парень убрал деньги в карман. Лицо умиротворенное, спокойное, как будто бы он выполнил очень важную и нужную работу.

– Обещаю разузнать в течение недели... Сами понимаете, не все зависит от меня. А потом нужно действовать поосторожнее.

Беспалый кивнул:

– Хорошо, я на тебя рассчитываю. – Тимофей Егорович поднялся, заканчивая разговор:

– Не попадайся! Ты живешь на старом месте?

Скорее это был не вопрос, а утверждение. Беспалый с удовлетворением отметил про себя, что уголки губ парня слегка опустились. Переваривай, шельмец! Вот так и портится человеку настроение. Еще минуту назад тот видел себя в зале ресторана, ощущая душевный комфорт, и вот сейчас все так неожиданно поменялось.

Уже пару месяцев он проживал в Казанском переулке у своей старой любовницы, скрывая ото всех свой надежный кров, во всяком случае, так ему казалось до этой минуты.

Он всегда оставлял свою машину за три квартала от дома и во двор входил не сразу, а совершал всевозможные крюки и круги, петляя как заяц. И лишь только уверившись в полной безопасности, направлялся к дому. В подобных делах он считал себя докой (успел поднаотореть во всевозможных охранных фирмах) и был абсолютно уверен, что ни разу не привел к порогу дома «хвост». И вот теперь, как оказалось, квартира была засвечена. И благо бы раскрыли ее асы-филеры, а то какой-то дряхлый старик.

Отпираться было бы глупо, уж слишком нахальным был вид у Беспалого.

– Хм... Верно.

Глаза Тимофея Егоровича сузились. Его собеседник почувствовал, как кровь в его жилах застыла. Подобную ситуацию называют «между молотом и наковальней».

– Так вот что я тебе хочу сказать, сынок. Советую не делать глупостей и не исчезать. Искать я умею, как ты убедился, – и, доброжелательно похлопав собеседника по плечу, Беспалый направился к выходу.

Обыкновенный, ничем не примечательный дед. Молодой человек судорожно проглотил слюну. Когда старик уже скрылся из виду, он приложил ладонь к холодному лбу. Он был уверен, что на его лице от страха проступил иней.

Все встало на свои места. Теперь ясно, кто из них охотник, а кто дичь.

* * *

В трех кварталах от сквера находилась Троицкая церковь – Беспалый решил пройтись пешком, благо хорошая погода располагала к этому.

Когда он подходил к воротам, ему вдруг вновь показалось, что за ним опять кто-то пристально наблюдает. Трижды глубоко вздохнув, он постарался оценить биоэнергетику направленного взгляда. И к своему удивлению, вдруг обнаружил, что она была точно такой, с каковой ему пришлось столкнуться всего лишь несколько часов назад, когда он наблюдал за Голицыной. Из этого вытекало, что человек, который за ним следил, сумел незамеченным добраться до Троицкой церкви. Возможно, они даже ехали вместе в одном автобусе. Скорее всего, филер старался не смотреть в его сторону, иначе был бы раскрыт, а следовательно, топтун был невероятно подготовлен. Обычно таких людей «выпекают» в серьезных конторах. Не поворачиваясь, Тимофей Егорович попытался определить направление излучения. Несколько минут он простоял неподвижно, сделав вид, что рассматривает журналы в газетном киоске. Но неожиданно источник исчез.

А может, показалось и в этот раз?

Перекрестившись, Тимофей Егорович вошел в церковь. Служба уже закончилась, и немолодой священник, с белым клинышком бороды, заметив вошедшего Беспалого, направился к нему навстречу.

– Давненько вас не было, – певуче сказал священник.

– Грешен, прошло уже полмесяца, – покаянно ответил Тимофей Егорович. – Замолю грехи! Принесу вам еще две иконы. Восемнадцатый век.

– Спасибо, – растрогался священник, – мы будем очень рады. А прежние ваши стоят, – показал он взглядом на несколько икон, вешенных вдоль стены. – Народ подходит, любитесь. Особенно две глазу приятны: Нерукотворный Спас и Казанская Божья Матерь.

Беспалый широко улыбнулся:

– Да. Эти иконы дорогого стоят.

– А что вы нам хотите пожаловать еще?

– Иконы четырех евангелистов. Они украсят ваш иконостас, батюшка.

Священник от нахлынувших чувств только и промолвил:

– Спаси вас господь за вашу доброту... Наши-то иконы совсем обветшали. Вы молитесь, а у меня служба... Отпевание двух покойников.

Священник ушел. Тимофей Егорович подошел к Нерукотворному Спасу и долго смотрел в строгие глаза господя, а потом, усмехнувшись каким-то своим мыслям, отошел к следующей иконе.

Глава 9 ЗАПАДНЯ

Приоткрыв дверь, старик недоверчиво смотрел на пришедших. И, судя по его мрачнейшему взгляду, визитеры нравились ему все меньше.

– Дюжев Андрей Миронович? – спросил Тарантул.

– Верно, – настороженно отвечал старик. – С кем имею дело?

– Нам с вами нужно поговорить, мы из милиции.

– А документики-то у вас при себе имеются? – проскрипел старик, выражая крайнее неудовольствие. – Сейчас многие милицией представляются, а как в комнату войдут, так хрясь по затылку!

Тарантул широко улыбнулся. Он знал, что улыбка шла ему, в этот момент его лицо делалось особенно располагающим. Но, похоже, что этого деда ему было не обмануть, – тот продолжал, как и в боевую молодость, жить инструкциями. А в них писалось о том, что со всяким незнакомцем следует держаться настороже. Кроме того, старик был из тех людей, что кожей чувствуют опасность.

– А как же, дед! – почти возмутился Тарантул и полез во внутренний карман пиджака.

Цепочка на косяке выглядела хлипенькой, на что сразу обратил внимание Тарантул, едва старик приоткрыл дверь. Достаточно пнуть дверь посильнее, чтобы звенья разошлись. Вот тогда – «Добро пожаловать!». Наверняка бдительный старикашка для верности подпирает дверь еще и ногой, но это не будет большой помехой.

Старик терпеливо ждал, бдительно наблюдая за рукой Тарантула.

– Вот и удостоверение, – раскрыв, Тарантул поднес его к глазам старика. – В руки давать не положено, но вот изучать можно сколько душе угодно.

Тарантул не позабыл улыбнуться. Нацепив очки в тяжелой оправе, старик с интересом изучал документ. Правое стекло очков было треснуто, и сейчас Тарантул смотрел именно на него. Глаз из-за разбитой оптики раздваивался, отчего лицо старика приобретало какое-то злодейское выражение.

Вдоволь насмотревшись, Андрей Миронович перевел взгляд на Тарантула и произнес с подчеркнуто официальной ноткой:

– Так чем могу быть полезен органам?

– А может быть, вы все-таки пропустите нас внутрь, как-то неудобно на лестнице разговаривать.

Варяг стоял немного в сторонке и участия в беседе не принимал. Весь его вид говорил о том, что если бы не опостылевшая служба, то он давно бы лежал на диване перед телевизором.

Сбросив цепочку, старик посмотрел на Варяга и подозрительно произнес:

– Что-то ваш товарищ не шибко разговорчивый.

И на этот раз не подвела интуиция старого волкодава, опасность он по-прежнему чувствовал кожей.

– Не обращайтесь внимания, – жизнерадостно заверил Тарантул. – Он у нас всегда такой. А потом, человек только что из отпуска вернулся и сразу на работу... Откуда же настроение будет?

– Тоже верно. Не очень-то легко впрягаться, – таким же недоверчивым тоном произнес старик. – Только вот загара у вашего товарища что-то совсем не видно. Может, он отдохнул плохо? Или все это время в тенечке книжку почитывал?

– Дед, что-то вы много расспрашиваете, – дружелюбно подал голос Варяг. – Вы, часом, не следователем в милиции работали?

Старик широко заулыбался. Невольно была затронута какая-то его душевная струна.

– Вы и об этом знаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.